

Диана Адамова

ХРОНИКИ ЕВРОПЕЙСКОГО ГЕКТАРА

Диана Адамова

Хроники Европейского гектара

<https://litres.ru/74508437>

SelfPub; 2026

Аннотация

Саныч жил себе спокойно на Европе, работал на ферме и не тужил, пока не прилетела Надька. Тут все и закрутилось: европейцы с соседнего гектара захотели фермерскую разработку Саныча отжать, и решили на бюрократии сыграть. Инопланетяне посылку доставили, теща с проверкой прилетела, а космические пираты и вовсе Надьку украли.

Чтобы любимую вызволить и отстоять гектар, у Саныча есть смекалка, знакомый бармен и ЗИЛ ("Звездолет Инновационный, с Лазером").

В книге вас ждут:

- * Европейские бюрократы

- * Встреча с веселыми инопланетянами

- * Знакомство с тещей, Миланой Марсовой

- * И столкновение с космическими пиратами

- * А еще бегающая картошка, тихходки и любопытные водоросли.

Киберсказка

Понравится всем поклонникам «Кибердеревни», «Футурамы» и «Автостопом по галактике»

Содержание

Часть 1 «Дальнеевропейский гектар»	5
1	5
2	8
3	11
4	14
5	16
6	19
7	22
8	25
9	28
10	31
11	35
12	38
Часть 2 «Радио Европа»	41
13	41
14	44
15	47
16	51
17	54
18	57
19	61
20	64
21	67

Часть 3 «Посылка от аттерианцев»	70
22	70
23	74
24	77
25	81
26	84
27	87
28	91
29	95
30	98
31	101
32	104
Часть 4 «Теща с третьей планеты»	107
33	107
34	112
35	115
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Диана Адамова

Хроники

Европейского гектара

Часть 1 «Дальнеевропейский гектар»

1

Надька всегда мечтала побывать на Европе! Приобщиться к природе и прекрасному. Ощутить спокойствие и размеренность на огородных грядках. Вываться из шумного пыльного мегаполиса... Но только так, чтобы одной ногой туда — другой обратно, а не вот это вот все — всучили этот дальнеевропейский гектар да билет на звездолет в зубы, потому что руки заняты чемоданами.

Вон у нее почти все друзья в отпуск в Антарктиду отправились. Ну красота же!

Но кто ж знал, что Надьку ждет спутник Юпитера — Европа, а путь туда займет целых девять месяцев?!

Как беременность, ей-богу! Выплюнет ее туда корабель-

ный шлюз — и бултыхайся как хочешь. Или поминай как звали.

В программу Надька попала — «Дальнеевропейский гектар». За компанию подавалась с коллегой. Та-то осталась стонать дальше в расчетном отделе звездного флота, а Надьку искусственный интеллект выбрал каким-то образом по показателям, одному ему известным.

И прощай теперь на целый год солнечная Антарктида, и да здравствуют холодные ветра Европы!

Набрала Надька с собой книг, фильмов на звездолет. Лететь все-таки девять месяцев, а отпуска у нее давно уже не было.

Пересмотрела и перечитала она все это за первые две недели, да и залезла на третьей в гибернационную капсулу от скуки. Собственно, как все нормальные люди, которые входили в экипаж.

Им-то лететь дальше, к другой звезде, а Надьку они по пути забросят на Европу. Как маршрутка, в общем. Вряд ли даже проводит кто.

И так хорошо спалось ей под очищенный ионизированный воздух! Где еще такой на Земле найдешь?

Открывает Надька глаза, понимает — проспала.

Стекло капсулы запотело, не видно ни черта. Она протирает его и орет блаженно — рожка на нее с той стороны смотрит. Непонятно с первого взгляда, человеческая или нет — организм Надькин еще ото сна не до конца отошел.

— Ты че разоралась, шальная? — спросил густой бас.

А нет, человек все-таки. Только странный такой. Может, помесь какая с инопланетянином? Заросший весь, с бородой, волосы темные курчавые во все стороны торчат. Как абориген, ей-богу. Только те мычали непонятное, а этот на человеческом молвит.

Надька огляделась. Где она хоть? Может, тут еще такие туземцы есть?

Темно, лед и камни только. Нет тут больше ничего. Надька сверилась с компьютером в браслете: Европа.

Долетела!

— Погоди, а ты тут от прошлых экспедиций, что ли, остался?

— Чего это — остался? Живу я тут.

— А мы думали, что тут никого нет.

— А ты чего тогда приперлась? Летела бы дальше на своем звездолете. А то накопил мне тут, всю картошку распугал.

Надька наконец вылезла из капсулы и выпрямилась.

— Погибла?

— Разбежалась, говорю же. Ты слушай. Или у тебя от капсулы уши заложило? От них бывает такое. — Он придиричиво оглядел капсулу и пнул ботинком, нашел ее серийный номер. Да не понял ни черта. Вся гладкая, современная, не то что его ржавый звездолет ЗИЛ («Звездолет Инновационный с Лазером»). Пылится теперь в гараже.

— В порядке все со мной, — фыркнула Надька.

Волосатый верзила прищурился:

— Ты памятку, что ли, не читала? По гектару-то?

— К-какую памятку? — начала заикаться Надька.

На что она вообще подписалась? Ух, не поздоровиться подруженьке, когда Надька вернется. Это точно. Сама впутала ее в эту авантюру, и сама же осталась там.

— Ты как вообще гектар-то получила? — Здоровяк сло-

жил руки на своей широкой груди и впился в Надьку пристальным взглядом.

Она сперва молчала. Абориген ждал.

— На спор... — тихо буркнула наконец.

— Как-как?? — Он склонился вперед ухом, будто не слышал.

— На спор! Ладно, показывай, куда мне идти?

В этот момент мимо что-то пробежало. Шустро так — фьють! Надька испугалась, заорала, да и прыгнула аборигену в руки.

Вцепилась в его длинные волосы.

— Да что б тебя! — проворчал он.

Однако оказался ловкач. Одной рукой Надьку держал, второй картошку ловил.

Поднял на протянутой руке. Та шевелила клубнями, пока не сдалась. Повисли они у нее... ну, как эти... Только Фаберже два, а тут с пяток.

— Это ч-что?

— Я ж говорю, звездолет тут напыхтел. Вот картошка и разбежалась.

Клубни у нее как колеса работали. Такое картофельное перебеги-поле. Было бы «перекати-поле», но эта реально бегала.

— Вы как подлетели, у меня сразу все датчики о превышении CO₂сработали.

Абориген продолжал держать Надьку и куда-то шел. А она

оглядывалась — лампочки, развешенные на столбах, оранжевым мигали.

— Эй, а куда ты меня тащишь?

— Я? Ты сама прыгнула на меня. Назвалась груздем — полезай в кузовок!

— В какой еще кузовок?! Ты за кого меня принимаешь?!
— завопила Надька.

Она вывернулась, сбросила с себя его здоровенные лапищи и отряхнулась. Расправила складки на скафандре, словно на платье. И замолчали они.

Здоровяк думал о своем. Хмыкнул.

— Ну как хочешь, — пожал он плечами и пошел в дом.

Ну как — дом. Ящик такой, от контейнеровоза межзвездного, наверное, остался, который сюда первых поселенцев привез. Насмотрелись в своих соцсетях видео, что богачи из таких дома себе строят новомодные, вот и решили не отставать от трендов. Европа все-таки.

А Надьке деваться было некуда. Только в капсулу возвращаться. Вздохнула она, да и поплелась за здоровяком. Только лед трещал под ногами.

А мужик как знал. Косил одним глазом назад, проверяя, идет ли, и дверь открытой оставил.

— Как вас зовут? — заскромничала Надька и перешла на «ВЫ».

И страшно ей стало. И одиноко на этой Европе. Вот сдался ей этой спор...

— Саня я, Ковригин. Зови просто Саныч. Привык уже так.

— А я Надя.

Она огляделась, гадая, кто его так тут называет. Никого ж нет.

Он сунул ей чая и подождал, пока она сделает первый глоток.

— Ну как, пришла в себя? Рассказывай, как там, на Земле? — Саныч подставил кулак под подбородок, закинул ногу на ногу и приготовился слушать.

— В Антарктиде уже яблоня зацвела, тепло там, хорошо. Сезон аллергии начался, с пингвинов пух полетел. Он им там на растаявшем материке ни к чему, раз в два месяца линяют.

Не успела Надька затосковать по родным краям, как за окном затрещал лед и дом накренился.

— Не переживай, это криовулканы шалят, — как ни в чем ни бывало сказал Саныч, не сводя с Надьки глаз.

Дом покачался, как на волнах в океане, да успокоился.

— Пошла вода горячая! — потер абориген, то есть Саныч,

руки и куда-то засобирался.

— Эй, ты куда?

— Ты тут, что ли, сидеть будешь? Пойдем в баньку, вулканы как раз водичку подогрели, пар выпустили.

— Не пойду, — отвернулась пораженная Надька.

В баньку? С ним? Да ни за что в жизни!

— Ну, смотри сама. Следующие вулканы, может, только через еврутки будут, а это по-земному три с половиной дня.

Под потолком моргнула зеленая лампочка, оповещающая, что банька готова.

— Надя, извини, но мне надо бежать.

— Дела-дела? — закончила она за него.

Напевая себе под нос, Саныч скрылся за дверью. На стене вдруг ожило окно, голограмма зарыбила и вместо занавесок белых кружевных появилась голова Саныча. Абориген звонил. Оказалось, это видеозвонок был.

— Ты там без дела не сиди, не на халявку же приехала. А то знаю я вас, сюда все такие ленивые приезжают, думают, Европа за них все сделает. Ты давай ужин приготовь. Ты ж женщина, — добавил он.

Насупилась Надька пуще прежнего и отключила вызов. Откуда только узнал, что ее вторая специализация — повариха? На скафандре, что ли, написано? По первой-то она механик, но готовить любила, вот и выучилась.

Вздернула нос и отвернулась. А есть-то захотелось, одним воздухом сыт не будешь.

Только растопила Надька печь, взяла с табуретки картошку, да обратно положила. Не смогла ее приготовить, живая все-таки. Бегаёт вон как.

Зато, пока не было Саныча, сходила к капсуле, достала из нее свои термобидоны исследовательские — с тихходками. Будет наблюдать за ними, потому как что делать с ними, ума приложить не могла.

А абориген-то за ней одним глазком поглядывал через видео-окно. Обычно он за картошкой так наблюдал, не шалит ли. А тут пришлось целую незнакомку оставить в своей обители.

Вернулся Саныч уставший, замотанный и совсем не голодный. Глаза блестят, покрасневшийся, будто и не в баньку ходил. Прищурилась Надька. Но на ночь глядя скандал поднимать не стала. Не жена же она ему.

Легла рядом с картошкой на лавке, а утром потребовала объяснений:

— Давай мне памятку по гектару, показывай, где тут что. А у тебя звездолет обратный скоро, на Землю отвезет.

Абориген пожевал губу, поводит языком по зубам. Посмотрел на одну Надькину косичку, на другую, что торчали в стороны.

— Нет. Ты полетишь обратно. А я отсюда не уеду, — решительно отрезал бородач.

— То есть как?! — возмущенно надулась Надька.

— Ты тут одна не справишься, сразу видно — городская из своей Антарктиды. А я таких, как ты, отсюда быстро спроваживаю.

Надька покосилась на притихшую картошку в углу. Непривычно на Европе, конечно, но не беда. И не стала уточнять, что она совсем не из Антарктиды, а туда только к бабке за криптой ездит...

— То есть как — спроваживаешь? — спросила она.

— Нравится мне тут, — отрезал Саныч, не глядя на нее. — А у тебя — звездолет Кеплер — Нептун — Европа — Земля.

Воспротивилась Надька, топнула со всей силы, что аж визор на скафандре захлопнулся.

«Не будет сдаваться» — догадался абориген и повел ее за собой. По пути всучил мятую памятку.

— Чего, совсем не читала? — хмыкнул он.

Надька скользнула взглядом по пунктам.

«1. Не удивляться чудесам, не Земля тут все-таки.

2. Растения как хотят, так и ведут себя. Не они приспосабливаются к вам, а вы к ним.

3. Звездолеты с Кеплера курсируют только зимой, летом нужно ждать маршрутного окна с Проксимы Центавра...

4. Участок выделяется как есть. Претензии вроде „тут слишком много льда“ и „тут слишком мало солнца“ не принимаются...»

Этих пунктов Надьке хватило, чтобы понять, что первый она уже нарушила, а по четвертому имеются претензии, которые не принимаются. Основная ее претензия — это абориген.

— Да какая разница, — фыркнула Надька, засовывая папку в скафандр за пазуху. — Показывай лучше, где тут туалет!

Она догнала Саныча. Он шел куда-то, закинув за спину ружье.

— А ты его у себя ищи. Твой гектар соседний, — Саныч кивнул в сторону.

Надька подбоченилась. В ее компьютере совершенно точно был указан этот гектар. Да и звездолет ее капсулу сюда выплюнул. Без сомнений, она там, где должна быть.

Недолго думая, Надька протянула аборигену свои документы. Саныч вчитался, почесал затылок. И правда. Кадастровый номер гектара совпадал. Не понравилось это ему, ой не понравилось. Помрачнел. Не просил он о жене, а если ее сюда прислали, дело плохо. Он устремил взгляд вдаль, где, как северное сияние, что-то мигало и сверкало.

— Ну идем, покажу.

Путь их пролегал по картофельному полю. Тянулись стройные ряды картошки, ботва романтично покачивалась над поверхностью.

За полем возвышался серый купол из сот. Саныч ввел код на цифровом замке, и дверь открылась.

Внутри перед Надькой раскинулась озерцо небольшое, покрытое льдом.

— Тут у меня светоловка растет, — Саныч кивнул в сторону на кусты в кадках.

Свето... что? Звучало как женское имя и мурашки вызывало. Надька передернула плечами и фыркнула себе под нос: «Как будто к любовнице приревновала».

А Саныч вещал:

— Биолюминесцирует. Обычно едва светится, но как только добычу учует — вспыхивает. Отсюда и название. Освещение, кстати, бесплатное дает. Главное, подкармливать правильно и вовремя.

На каждом стебельке куста бутончик раскрывался. Распахнула светоловка свои пасти, Саныч извлек из ведра щипцами желеобразный сгусток, похожий на гигантскую амебу, и сунул ей в рот. Та его прожевала и засветилась.

Саныч прошелся по всем кадкам, подкормил каждую светоловку. Загорелись они одна за другой, замерцали. И под

куполом светлее стало.

— А тут? — Надька снова посмотрела на озеро, которое занимало почти всю площадь. Теперь было видно, что подо льдом что-то темное плавает и ворочается.

— А тут тебе не положено, — строго ответил Саныч.

Прищурилась Надька и отвернулась обиженно. Пошла туалет искать. Брела, пока не натолкнулась на дверь без надписей. И юркнула туда. Туалета и там не оказалось, зато лестница привела ее в пещеру. Где через небольшое окно она смогла увидеть, что скрывал лед.

— Я же сказал — не положено, — раздался бас за спиной. Надька подпрыгнула да чуть не сиганула в это озеро со страху.

— Что это?

— Водоросли. Подледянки я их назвал.

— Звучит как «подлянки», — заметила Надька, поправляя косичку.

Саныч улыбнулся, понравился ему комплимент.

— А что они делают? — Надька замороженно наблюдала, как подледянки шевелятся в воде.

— Я когда тут картошку стал растить, — начал рассказывать Саныч, — поставил мешок с подкормкой. А она просыпалась, да все на лед. Гляжу, она вся сквозь трещинки ушла. Плохой урожай картошки выдался в тот год, — припомнил он. — А на следующий день прихожу — тут эти плавают. Видишь зеленые пузырьки? Это они топливо выделяют.

— Как? — поразились Надька.

— Метаногенные археи из воды перерабатывают. Видела бочки сверху? Это уловители метана.

— На Земле уже такого не осталось, — вздохнула Надька.

— А тут видишь как? Ожила засохшая подкормка на археях-то местных. Иногда, правда, эти подлянки-подледянки наружу выползают, приходится их обратно заталкивать. А ты чего там в банках приволокла? — хмыкнула Саныч, вспомнив, как вчера Надька с термобидонами таскалась.

— Тихоходок.

Перед отлетом ей на Земле всучили два нержавеющей термобидона. На Европе живность требовалось освободить.

— Тю! А нам что тут, своих европейских не хватает, что ли? Тихоходки везде есть. Во всей вселенной. Они как пыль. Может, ты даже глотаешь их.

Надька вдруг подавилась и закашлялась.

Хлопнул ее Саныч по спине, да не рассчитал силушку свою богатырскую. Зато Надька кашлять перестала. Да и говорить тоже. Она вообще бледная вся стала и без сознания падать начала.

Подхватил. Пришлось искусственное дыхание делать — рот в рот. Очнулась она, а Саныч не отпускает. Проникся, и Надька сразу красивее казаться стала.

— Это особый вид, — проблеяла красавица. — Они дрессируются.

— Ух ты. А это и правда интересно. Научила их чему?

— Пока нет.

Саньч подал Надьке руку и повел наверх. Сменил полные бочки с метаном на пустые и дал объявление по межзвездной интернациональной сети с приглашением на заправку.

Вышли они из купола и снова оказались на картофельном поле. Качалась ботва на холодном ветру Европы, пригибалась.

Дома от плантации и не видать отсюда.

— А что, тут больше никого нет?

— Отчего же?

Саньч повернулся и глянул по ту сторону ледяного разлома — провести разведку, что там творится, не мешало. Кивнул Надьке он, чтобы шла за ним.

Подвел Саньч ее к соседнему гектару и пригнуться велел. Почти ползком дальше шли. Вдруг остановил он ее.

Подобрались они, значит, к границе и смотрят.

На соседнем гектаре трехэтажные контейнеры возвышаются, а между ними все закатано под ровный гладенький лед, дорожки аж сверкают. Но видно, что тесно им там на своем гектаре, ютятся как могут.

А вдоль домов тротуары тянутся и люди прогуливаются. Стриженные, холеные все из себя. Не то что абориген в рубашке, комбинезоне да рабочем скафандре нараспашку. Еще и небритый.

— А это кто?

— Европейцами себя зовут.

Надька с Санычем будто на охоте наблюдали за диким зверем в естественной среде.

— Почему они так странно смотрят на нас?

— Они дикарями нас считают.

— Но они же такие же люди.

— Такие, да не совсем. Мы из первой экспедиции, я только тогда опоздал на маршрутный звездолет, пришлось на своем лететь. Они очнулись здесь в своих капсулах, думали, делать ничего не надо будет. А тут я на ЗИЛе в рабочем скафандре примчал следом. Затяжной у нас спор так-то, — махнул он рукой.

Абориген с недовольством взглянул на Надьку. Прищурился.

— Еще и ты тут приехала на мой гектар.

— А они что разводят?

Надька не могла найти ни одного купола на той стороне.

— Они? — хмыкнула бородач. — Бюрократию разводят. Лед видишь? — Надька кивнула. — Они делают пластины для документов из него.

Удивительное дело! Кто ж изо льда будет документы де-

лать?! Да и...

— А что его делать-то? Он сам тут производится. Лежит вон и мерзнет. Это ж не Антарктида, которая растаяла и теперь лед пароходом получает.

— То-то и оно. Вот им заняться больше и нечем.

Европейцы эти совсем обнаглели. Мало им льда на своем гектаре, так они еще на лед Саныча поглядывали. Но он смекалистый, давно уже просек, на что именно они глаз положили. На его подводную ферму с подледянками.

— Водоросли когда у меня пошли, эти прознали. Теперь хотят их себе, — признался Саньч. — Говорят, раз они первые на Европу ступили, то и все ресурсы их. И вот. Сплю я однажды, слышу стук в дверь. Пришли они ко мне, машут перед носом льдинами разными, да не стал я их слушать. Тут и криовулкан как раз запыхтел. Я их в баньку сводил, и растаяли там все их документы.

— Батюшки мои! Правда? — ахнула Надька, непонятно за кого больше испугавшись — за Саньча, европейцев или документы. Накрыла грудь в скафандре ладонью.

Замолчал что-то Саньч, проникся. Даже выгонять ее перехотел. Трудно мужику без бабы на Европе-то. Это тем, первым, все равно, а у Саньча душа русская, просит. Да и «рот в рот» этот совсем ему разум затуманил набекрень.

А тут еще и первый европеец на Надьку поглядывать стал. Стоит, глаз не сводит.

Ненароком приобнял ее Саньч. Закинул свою лапищу на хрупкое женское плечико. Не успела Надька возразить, как загромыхало. Побежали они. Ферма ближе была, заскочили и спрятались от грозы.

Сидит Надька грустная: не управится ведь она с этим хозяйством одна.

— Надо же, какое ценное топливо эта мелочь производит,

считай, из ничего, — ухмыльнулась Надька. — Везде бы так.

— А то! Я вон на Проксиму Центавра поставляю! Ко мне с самого Кеплера-186-го парни летают, заправляются у меня. А мне что, плохо разве? Они мне — гостинцы, я им — бак топлива. Они мне — технологии свои спутниковые, я им — бак топлива. Ох, какие у них там мыльные оперы по их проксимовскому телевиденью разгораются! А если еще до этого аттерианцы попкорн привезли, так вообще можно целые еврутки не выходить!

У Надьки глаза загорелись, щеки румянцем залились. Саныч сразу понял, что любит она мыльные оперы смотреть. Сработаются они.

— У тебя тут бизнес прям.

— А чего им? Они летят мимо, присели, заправились и полетели дальше.

— А сколько ты за топливо получаешь?

— Да по-разному, — махнул Саныч. — С аттерианцев — гостинцы, с проксимовцев — технологии. Что сами дадут, тому и рад.

Надька оглядела его.

— Честный ты. А с европейцев?

Саныч поморщился.

— Европчики.

— Ах!

— Ну а что еще? Наколют вон льдышек своих и суют всем подряд. А их в доме хранить нельзя, лужа будет.

— И как ты живешь?

— Не общаюсь я больше с ними. Бочку им раз в неделю по мосту ледяному вон перекатываю.

Саныч любовался на новую поселенку да кумекал: не нравилось ему, ой не нравилось, что прислали ее. Собака тут где-то точно зарыта. Ведь сколько раз европейцы ему и контейнер второй предлагали, и поездки на Землю в отпуск, и йога-курс в пещерах Марса для просветления. А не хочет душа. Ему куда больше с инопланетянами общаться нравится да с колонистами.

А вот пришлют такую, как Надька, вместо него — и поминай, ферма, поминай, друзья с Кеплера. Как они теперь без его топлива летать друг к другу будут? Защемило душу, запереживал Саныч.

Вышли они, когда гроза закончилась. Хорошо на улице, небо чистое, озоном пахнет. Только пения птичьего не хватает.

«Тихоходок, что ль, научить?» — подумала Надька и стала подруге на Землю сообщение отправлять. Неразбериха какая-то с кадастровыми, а нужно было все-таки выяснить, какой гектар ей полагается, а какой за Санычем числится.

На следующее утро простился Саныч с Надькой заранее, памятку на стену приклеил, чтобы не забывала.

Отправил ее плантации проверять, а сам к капсуле пошел. Тут как раз и звездолет подлетел. Завис на орбите да улетел, забрав старую гибернационку Саныча.

Взгрустнулось Надьке.

А вечером к ней делегация европейцев двинулась. Уговаривать стали ее продать им ферму за два европчика и мешок удобрений для картошки, хоромы трехэтажные на своем гектаре предлагали, принцем европейским соблазняли! Но не поддалась Надька. Не сдала ферму с подледянками.

Уж очень ей водоросли понравились, и тихходкам было с кем дружить. Она их пустила к ним поплавать, обрадовались водоросли, сразу целую бочку газов напускали. Поползли из-под льда, потянули свои стебельки к Надькиному женскому теплу. Льнули к ней, щекотали да обратно уползли. А тихходки тем временем подрастать стали.

Мнутся европейцы в своих костюмах в прихожей, переглядываются.

Тут-то Саныч и покинул свое укрытие (то бишь гараж звездолетный) и вернулся в дом. Обомлели европейцы, челюсти у них отвисли, упали сразу и дух, и все, что еще могло

упасть.

А Саныч стоит на них смотрит и смеется:

— Чего хотели-то?

— Договор новый предложить.

У того, что принц был, льдина документарная в руке задрожала.

Взял Саныч ее из рук бюрократа проклятого и хрясь ее ему об голову:

— Гектар — мой, топливо от водорослей — мое.

Бюрократ схватился за шлем.

У документа треснул защитный термокороб, и потекла льдина от домашнего тепла.

— Это насилие! — взвизгнул он. — Мы напишем жалобу! Больше вы не увидите свой гектар!

— Был ваш гектар, станет наш гектар, — нагло пропел тощий бюрократ у двери. Выглядел он как крыса, и с такими же усиками под носом.

— Пишите, — спокойно ответил Саныч, вытирая руки о замасленный комбинезон. — Смотрите только, как бы ваши доказательства не растаяли, — хмыкнул он и шагнул вперед.

Европейцы попятились, устроили столпотворение у двери. Видели они, что сила не на их стороне. Саныч стоял крепко, как скала.

— Ваше пребывание на одном гектаре незаконно. Вы должны покинуть гектар. Оба. До устранения ошибки, — улепетывая, пригрозил принц европейский и поправил съе-

хавший шлем.

Ага, щас! Знал Саныч этих бюрократов, как свои пальцы. Они потом не пустят их сюда, и поминай как звали. Сжал кулаки он.

Надька ему ладошку на грудь положила, чтоб образумить и не дать в драку ввязаться. Добрая она, потеплело у Саныча в груди. Успокоился.

— Мы вернемся! — пригрозил тот, что с усиками. — Проверим весь гектар и каждую трещину! Но найдем ваш секрет изготовления топлива!

Тем временем, стоило двери захлопнуться, Надька принялась пол вытирать от договора потекшего.

Одичали тут эти европейцы совсем, в дикарей превратились. Конечно, кто бы им разрешил в Антарктиде подобное устроить. Вот они и слиняли с Земли подальше, чтобы тут свои порядки устанавливать.

Надька вздохнула. Запустила очистку воздуха, а то после европейцев дышать совсем было нечем.

— А вдруг и правда пожалуются? Отберут гектар? Что тогда делать?

— Пусть. Правда все равно найдет, где прорасти. Где тепло, там и взойдет. А у этих один холод, потому они и злые такие.

Но Саныч знал: не успокоятся они, уж очень они хотели монополию на топливо держать.

И прав оказался. Враг не дремал. На соседнем гектаре за разломом горел тусклый свет в трехэтажном контейнере.

— Почему он не улетел? — негодовал принц европейский, растирая ушиб на шлеме. — Теперь следующего звездолета ждать! А женщина эта? Я думал, она слабое звено! Мы же специально ее выбрали.

— Европа должна была изменить ее, — шипел бюрократ, похожий на крысу. Глазки его бегали.

— Видимо, не успела проникнуться и оевропиться. Потопились мы. Что теперь делать?

— Высылать его надо, — шевелил усами тощий. — Видели, как она ладошку свою на него положила? Надо ее похитить и спрятать. А у этого Саныча звездолет есть. Надо его туда и того этого... пусть летит отсюда подобру-поздорову. — Он потер свои маленькие кривые ручонки.

Европейцы склонились над картой, строя планы, как все повернуть.

Но не знали они, что и Саныч не спал в ту ночь.

— Ну пойдем, что ли, — позвал он Надьку в спальню.

И пошла она за ним. И в одну кровать с ним впервые легла. Так испугалась она сегодня за Саныча, что выселят его с Европы, что сразу прониклась любовью к нему. Да и не Земля это, в космосе необязательно первой брачной ночи ждать.

Напитавшись Надькиной пылкостью, Саныч тоже строил планы. Лежал, обнимал ее да рассказывал:

— Мы когда прилетели, они же меня выселили со своего гектара. Сама понимаешь, там получше и поровнее. А мне подсунули этот, с трещинами и криовулканами. Я-то мужик простой, везде выживу. А видишь, как повернулось? Теперь они локти кусают, что у них, кроме льда, ничего и нет.

— Документы они подменили?

— Честную сделку оформили. За два европчика и мешок удобрения для картошки. А теперь грезят о монополизации моего топлива. Я-то доброе дело сделать хочу, понимаешь?

Обучить аттерианцев — у них ведь там тоже ледяные планеты есть. Можно побороздить просторы, найти подходящую, где вода есть, подселить туда водоросли и наблюдать, что будет. Мне что, жалко, что ли? Я им и помогу, и обучу. У меня и звездолет есть, сам сгоняю к ним. Это ведь дружба, понимаешь? Я — им, они — нам... А эти... — Саныч бросил гневный взгляд на соседний гектар. — Все себе хотят и за деньги!

Надька слушала, да половину мимо ушей пускала. Любовь у нее проснулась к Санычу.

— Так ты в гараже все это время был? Я ж думала, ты улетел.

Повел ее Саныч в гараж, звездолет свой показывать. А чего мужику не похвастаться-то?

— Это же настоящий ЗИЛ?! — воскликнула Надька.

— Он самый, родненький.

Саныч с нежностью провел ладонью по ржавому боку.

— «Звездолет Инновационный с Лазером», — с ностальгией вздохнул Саныч.

Надька-то в картошке ничего не понимала, а вот в технике она специалист была. Техника ей подчинялась, как только она касалась ее. Душу ее добрую заботливую чувствовала. Только не работал ЗИЛ у Саныча — искусственно-интеллектуальный навигатор полетел. Если бы не это, он уже гонял бы туда-сюда, он ведь его даже на топливо метановое перевел. Просил с Земли прислать наладчика, да заняты все. Хотел у аттерианцев их технологии прикрутить, так ИИ вошел в конфликт с их ИИ и вообще отказывался теперь с Санычем разговаривать. Затосковал тогда Саныч, что говорить не с кем стало. Благо мыльные оперы подоспели. А тут и Надька целая явилась.

— погоди, — увернулась она от объятий богатырских да выбежала из гаража.

Вернулась вскоре с хитрыми глазами. А Саныч — снова ее целовать.

Смеялась она, краснела да сдалась ему снова прям на капоте звездолета.

Потянула его потом Надька к капсуле. Сюрприз у нее там имелся.

Спрятались они и смотрят: на дворе ночь европейская, красота. И серый крыс крадется к их контейнеру, да видит — в стороне от дома огоньки мигают.

Ну, Надька-то не дура: как только европейская делегация покинула домовый контейнер, сразу поняла, что выручать надо Санюча из беды, чтобы он там ни говорил. А то отнимут гектар, потеряет себя мужик.

Она из гаража-то сбежала, на ферму метнулась за светоловкой. Поставила горшки рядом с гибернационной капсулой — и снова к Санючу в объятия.

А теперь вот смотрели они: европейец засомневался, увидев огоньки. Красиво мигала светоловка вдалеке, не видал он еще такого. Хочешь не хочешь, а притягивают яркие бутончики. Пополз он на свет. Европейца только так ловить и надо — на свет. У них самих-то вон какая люминесценция на гектаре.

Притянули бутончики его по задуманному Надькой плану, приблизился он к капсуле, а там Надька по крышке — хрясь, Санюч замок на капсуле — кирдык. Кислород пошел, и спит себе европейец, как в саркофаге, спокойным сном да только похрапывает.

— Как ты догадалась? — удивился Санюч.

— А ты меня со счетов не списывай, пригожусь я тебе еще, — сверкнули Надькины глаза в темноте европейской. Точь-в-точь как у светоловки.

— Так ведь еще придут, — почесал затылок Санюч.

И то верно, а капсула у них только одна. Не хватит на всех европейцев.

Посмотрела Надька на гараж Санюча, где он звездолет

хранил. И смекнула.

— А что, если... — предложил Саныч, поймав ход ее мыслей, да махнул рукой. — Поломанный у меня звездолет. Нет там искусственного интеллекта. А эти... — он посмотрел на соседний гектар, — сами и не умеют уже думать.

Согласилась с ним Надька. Отправишь их так — вернутся еще.

Пошли они в домовый контейнер. Саныч там Надьку еще разок-другой полюбил. Устал потом да захрапел.

А Надька выбралась из кровати и отправилась к капсуле. За ней картошка хотела попрыгать, но шикнула она на нее. Оставила Саныча караулить. А тихходкам дала наставление следить за европейской границей и чуть что тревогу поднимать (ведь наверняка те ждали возвращения своего лазутчика).

Подобралась она к капсуле, достала отвертку и выкрутила модуль автоматического руления. ИИ-клубок путеводный, по-нашему. На всякий случай и блок с обновленными звездными картами.

Проснулся Саныч, а нет нигде Надьки. Видит только в окно, как звездолет капсулу забрал: подлетел, открыл шлюз и засосал ее внутрь светом магнитным.

Испугался вдруг Саныч, забегал по контейнеру, на улицу побежал. Ну все, думал, украли! Хотел уже броситься к гектару вражескому, как запрыгала у него под ногами картошка да вереница тихходок выстроилась в ряд и потянули его в

гараж.

Заходит он, а там косички только светлые из-под кузова торчат. Наклоняется — а там Надька чумазая вся, в масле... красивая такая. Никогда еще Саныч не видел такой красоты неопикуемой.

Вылезла она, шыгнула носом и говорит:

— Принимаю работу!

— Какую такую работу?

— Теперь у ЗИЛа новенький КК-клубок путевоуный, на всякий случай карты новые подгрузила.

— Как же ты смогла его разговорить?

— От моей ласки еще ни один ИИ не уходил.

Залилась румянцем Надька, интеллект искусственный промурчал в ответ что-то да застрочил ей комплименты очереуо. Совсем одичал тут, бедненький, без ласки.

Смекнул Саныч, обнял Надьку. Лыбится стоит, по голове ее гладит.

— Это мы что же, теперь сможем посадить их на звездо-лет и выслать отсюда? — спрашивает Надька. И глаза такие наивные вверх поднимает, будто не она только что Санычу мысль подкинула.

Европейцы все отказывались лететь домой. Свой-то звездо-лет они сразу разбили, только санычевский остался. Этих бюрократов надо изгонять с Европы. Всех сразу.

— У меня есть идея получше.

Устроил Саныч на следующий день пир. Позвал на свой гектар всех европейцев, назвал мероприятие «проводы». Звездолет свой выкатил. Тот стоит, боками ржавыми сверкает.

Обрадовались европейцы, потянулись на пир халявный, потирая ладони в мечтах, что заживут скоро на топливе.

А Саныч их все угощает картошкой да на звездолет провозжает.

Говорит:

— Буду подписывать договор с вами на корабле! Для большей юридической силы.

Капитан как-никак.

Прошли они все туда, Надька в дверях каждого пересчитала, чтобы никого не забыть. Погладила свою косичку да кивнула Санычу.

Уселись они за стол переговоров.

— Ну, давайте подписывать! — говорит принц их европейский, который главный.

А Саныч себя по карманам хлоп-хлоп — а ручки-то и нет. Выбежал Саныч да шлюз захлопнул.

Закричали европейцы, застучали кулаками (не сразу, правда, они поняли, что в ловушку попали, посидели еще

минут пять сперва, потому что сытые).

— Выпусти нас!

— Мелкий шрифт читайте! — крикнул Саныч.

Склонился принц европейский над льдиной, а та от теплого воздуха на борту таять начала. Да пока европейцы глазами хлопали, и вовсе в лужу превратилась. Не осталось от нее уже никакого шрифта — ни крупного, ни мелкого.

— Какая печаль... — вздохнул Саныч. — Но я вам так скажу: на борту звездолета слово капитана — закон. Слушайте и запоминайте: водорослевая энергетическая система — народное богатство Европы. Принадлежит ее жителям.

Заулыбались европейцы на этих словах, думали, попугает их сейчас Саныч да отпустит.

— Согласно статье 42 «Кодекса Солнечной системы», любой ресурс, признанный стратегическим для навигации, включая биотопливо, не может быть объектом частной монополии, — пробасил Саныч.

Бюрократы побледнели.

— Это наша интеллектуальная собственность! — взвизгнул принц-европеец.

Надька вышла вперед, поправляя косынку.

— Попытка ограничения доступа к такому ресурсу, как и попытка монополизации, влечет за собой аннулирование права на владение гектаром и депортацию нарушителей.

Их озлобленные взгляды устремились на Надьку.

Во всех этих запутанных формулировках они были те еще

специалисты. Обычно сами кого хочешь запутывали...

— Откуда ты... — начал было принц.

— Памятку до конца прочитала, — усмехнулась Надька.

— Вы не можете!

— Можем, — расплылся в улыбке Саныч. — Прямо сейчас вы принудительно будете депортированы.

— Кроме того, — вставила Надька своим тоненьким голоском, — вы вмешались в процедуру выбора кандидата на гектар! И заведомо выбрали того, кто меньше всего подходит для этой работы.

Надька потрясла распечаткой факса, который ей прислала подруга с Земли. Она проверила систему и обнаружила вмешательство в алгоритм и подделку кадастровых номеров гектара.

Надька изящно изогнула бровью, всем своим видом выражая: как тебе такое, Милон Аск, а?

— Подруга все разузнала и ускоренным срочным факсом отправила ответ на мой запрос. Вмешались вы в программу выбора кандидата. А значит, ваш гектар теперь не бесхозный — он мне полагается.

Надька улыбалась так широко, что Саныч зажмурился. Зубы так и сверкали.

Захлопнули свои рты европейцы, замахали ресницами растерянно.

— Посему, как капитан этого звездолета, повелеваю: отправляйтесь на поиски нового топлива! И на этот раз — без попыток монополизировать его, — погрозил Саныч пальцем.

— Куда? Куда же мы поедем? — чуть не заплакали европейцы. И ладошками потными по шлюзовому стеклу так жалобно заскрипели.

— Клубок путеводный вам подскажет. А автопилот путь проложит! И каждую неделю будете докладывать мне о поисках. У меня тут это... удаленка будет. Один глаз тут, другой там.

За спинами европейцев видео-окно на стене вспыхнуло с бородатой рожей Саныча. Заверещали европейцы: и тут он, и там.

Да не слушал он их визгов уже.

Отправил Саныч их в дальний путь. Прикрыл ладонью глаза от яркого света да проводил их взглядом.

— Далеко им лететь? — спросила Надька.

— Как ИИ решит. Он умный и с характером, — усмехнулся Саныч.

Пошли они к дому медленно, и картошка за ними. Тихоходки бесшумно плыли рядом.

Подошли к домовому контейнеру, смотрит Надька в сторону на соседний гектар, который теперь по документам ее. И дома там раскинулись ввысь, и лед ровный...

Саныч чего-то вдруг засмутился.

— К себе пойдешь? — спросил он.

— А куда мне все это? Да и тихоходкам моим на твоей ферме понравилось. А оттуда далеко ходить. Останусь тут.

Настал черед Саныча лыбиться. Как дураку.

— А хоромы эти куда? Кому все достанутся? — заволновалась Надька.

— Не переживай, нарожаем с тобой детишек, вот и гектар им свободный сразу с жильем.

Долго они не выходили из контейнера. А потом ночью сидели на лавке у крыльца, обнимались да на проплывающий Ганимед в небе смотрели. Редко проплывал он над европейским небом.

— То, что сделано на капоте звездолета, приравнивается к заключению брака. Не отпущу я тебя, Надька.

— Жалко корабль?

— Звездолет — просто железо, а у нас тут жизнь целая. Прилетит кто-нибудь, аттерианцы давно не заглядывали. Картошечки нашей все хотят испробовать. Можно еще тихоходок развести, будут у нас как волы, ходить и лед бороздить, чтобы картошку сажать. Смотри, как они выросли на метане-то.

И правда, уже на упитанных корги походили.

— А что, она прям во льду растет?

— Чего же во льду. Тут хватает г... — вон сколько европейцев. Они его мешками таскали.

— Так они же улетели! Что мы будем делать? — заволновалась Надька.

— Тихоходки справятся. Не переживай. Да и не кормить же нам теперь этих европейцев.

Красиво было на гектаре. И только тихоходки дрессированные во льдах европейских щебетали.

Часть 2 «Радио Европа»

13

Надька сидела в домовом контейнере на кухне. Она отпила чай с вареньем из блюдца, подставила кулак под подбородок и спросила:

— Сань, а ты кем до Европы был?

— Да, — отмахнулся он.

— Как ты на Европу попал? Рукастый парень вроде, вон сколько всего сделал. И ферму с подледянками поднял, и картошку выращиваешь, и светоловки твои эти... Тебе бы на Земле цены не было, — не отставала Надька. Склонила так головку на бочок, ресничками хлоп-хлоп, чтобы Саньч устоять не смог перед ейным обаянием.

Он хмыкнул, подул на чай. Кружка у него здоровенная была, богатырская. Из нержавейки, литра полтора входило. Он в нее чай заваривал, крышечкой закручивал и весь день таскал с собой везде. Кто-то бластер носит, кто-то мультитул. А Саньч вот без кружки никуда не ходил.

— Я ведь, Надежда Павловна, даже диссертацию защитил на Земле, — покачал он головой.

— Да ладно?! — Надька глаза выпучила.

Саньч кивнул, отхлебнул, помолчал.

— «Межвидовая коммуникация и роль посредников в торговых связях». Три года писал, два раза переписывал, один раз комиссия завершила.

— А это про что вообще? Ты ксенолингвист, что ли?

— Про барменов, — просто сказал Саныч.

Надька моргнула. И не слыхивала она о таком, чтоб про барменов диссертации писали.

— Понимаешь, когда разные виды пересекаются, им же надо как-то доверять друг другу. А что они делают в первую очередь, как знакомятся? Думаешь, контракт обсуждают? Не-е-ет, — Саныч помахал пальцем перед Надькиным носом и поддел его.

Он еще отхлебнул чая. Откинулся на спинку — видно было, что тема его до сих пор грела, а несправедливость язык развязывала.

— Они идут в бар! Общаются, узнают друг друга. В барах и тавернах и заключаются самые лучшие контракты! Вот где реальная торговля! И вот я выяснил, что в таких местах, где виды пересекаются, есть фигура посредника. Через него вся информация идет, понимаешь? Он знает кому можно верить, кого избегать, кто что ищет! — Саныч возвел указательный палец кверху. — И знаешь, что самое главное?

Надька отчаянно замотала головой.

— Бармен ничейный. Нейтральный! Он работает, зарплату получает и домой потом идет...

И правда. Надька о таком и подумать раньше не могла.

— И ты это три года изучал? — пораженно выдохнула она.

— Ну... — Саныч почесал затылок. На самом деле он больше времени в тавернах провел, но не стоило Надьке об этом знать. — Летал я по космопортам, станциям, рынкам. Сидел в тавернах и наблюдал. Представляешь, бармен на Кеплере-186 одним жестом разрулил спор между грузчиком и аттерианским механиком.

Надька неверяще головой покачала.

— Прям вот так? — она сделала характерный разрубающий воздух жест ладонью.

— Не только, — смутился Саныч и потряс бутылкой со стола, намекая, что еще применил бармен. — Видел, как на Проксиме Центавра бармен космопорта знает каждого залетного пилота, кто с кем дружит, кто кому должен. Я ведь, — Саныч ударил себя в грудь кулаком, — целую систему описал, паттерны поведения, ритуалы, сигналы доверия...

Надька начинала понимать Саныча. Мало кто исследовал подобное.

— И чего, защитил?

— Защитил. Комиссия скривилась, но приняла. А потом вызвал меня заведующий академией и говорит: «Александр Григорьевич, у нас учреждение академическое, научное, у нас, понимаешь ли, протоколы межвидового взаимодействия разрабатываются, дипломатические стандарты, юридические рамки...» — Саныч фыркнул от всей этой научной мутотени и продолжил: — «А вы три года по тавернам просидели и наукой это называете». Ну я ему пытался объяснять, да быстро понял, что дело гиблое, а намек он мне предъявляет слишком жирный. Ну я ему в ответ фигу свою показал, — Саныч скрутил из своих пальцев здоровенную фигу и сунул Надьке в нос, та слегка отпрянула, но не обиделась, — и хлопнул дверь!

Саныч поднялся, стол качнулся. Картошка, что клубочком свернулась на лавке, приподняла голову.

— Обидно было?

— Первый день обидно, на второй злость взяла, в бар пошел. А на третий увидел на столе бумажку, что у метро сунули, с рекламой программы дальнеевропейского гектара. На звездолет опоздал, зато соседа выручил. Он свой старый ЗИЛ продавал, никто не брал, а мне лететь. Да такой и не сыскать уже нигде, грех было не взять! Ну я ему документы на квартиру, а он мне звездолет. И вот я тут.

— Так это что же, у тебя на Земле совсем ничего не осталось? — ахнула Надька, ладошками щечки румяные накрыла.

— Зато у меня теперь здесь хозяйство. — Саныч погладил картошку по ботве. — Видишь, живность есть, ферма с подледянками и собственные торговые связи. И теперь получилось, как я в диссертации и писал: я сам посредник, — усмехнулся Саныч. Поправил бороду, плеснул еще чайку из термопота позолоченного. — Ты думаешь, я им сразу контракт сунул? — он недобро покосился в иллюминатор на соседний пустующий гектар. — Не-е-ет, я их в баньку сводил, чаем напоил, поговорил с ними.

Надька молчала. А ведь другие бы жаловались, как несправедлива жизнь, а этот взял, и новую жизнь начал. Она потянулась через стол и накрыла его огромную лапищу своей ладошкой.

— Сань, — тихо позвала Надька.

— М-м?

— А ты скучаешь? По Земле?

Ей-то такое и невдомек было покинуть Землю навсегда. Она-то планировала одной ногой туда, другой обратно. А тут Саныч...

— По борщу скучаю. По-настоящему. Этот без свеклы тоже ничего, но не то. Надо свеклу морозоустойчивую вывести. А на Земле мне ловить больше нечего.

Так бы они и сидели, пока чай не остыл, да только Надька

сказала:

— Сань? А у меня семена есть. Вывели там на Земле. Правда, она цвет поменяла, и теперь ядовито-малиновая стала.

— Хех, ну пойдем, покажешь семена.

Повел ее Саныч в гараж через спальню.

Обжилась Надька на гектаре, свеклу малиновую посадила рядом с картошкой. Та сперва от новой соседки шарахалась, потом приняхалась, подуспокоилась. Тихоходки свеклу своими круглыми мордочками обнюхали да потеряли интерес. Свекла как свекла. Скучная она была, потому что не бегала. А этим только дай поскакать. С картошкой только так бегали. Топот от тихоходов на весь гектар стоял!

Саньч в то утро на ферме возился, менял бочки с метаном, проверял подледянок. Те лениво шевелились подо льдом, сытые и довольные. Надька стирала скафандр и косынки свои в бочке у дома, развешивала их на веревке у дома между столбами (между вышкой связи и столбом фонарным; Саньч вкопал один ненужный, водрузил туда, как на мачту светоловку в горшке вниз стеблями, теперь у них освещение на гектаре было уличное; главное — не забывать ужином подкармливать).

И тут вдруг загудело, закоптило. Датчики оранжевые заверещали, СО₂ подскочил. Надька глядь на свеклу, а та нет, торчит во льду и не шевелится.

А звездолет тем временем на посадку пошел. Саньч вышел из-под купола фермерского с бочкой метана на плече. Надька побежала, косынками цветными, как регулировщик

на летном поле аэропорта, показывая, куда приземляться.

Саныч прищурился, вытер ладонь о комбинезон.

— Кеплеровцы прилетели, — улыбнулся он, узнав знакомый силуэт корабля. Такой с рогами над кабиной только они делали — МАЗ! («Многоцелевой аннигиляционный звездолет»). — Наверное, Леха с Филькой прилетели. В прошлый раз обещали с посадкой заскочить.

Сел корабль на ровный пятачок на краю гектара, где лед был потолще да покрепче. Двигатели чихнули и смолкли. Сирена оранжевая выключилась над гектаром.

Шлюз зашипел и открылся, на свет появились двое — один коренастый, с рыжей бородкой, другой повыше, круглолицый и с хитрыми глазками — в потертых пилотских куртках поверх скафандров.

— Саныч! Живой, бродяга! — заорал рыжий издалека и замахал руками.

— Леха! — пошел Саныч на встречу, широко шагая. По пути бочку с метаном Надьке вручил.

Обнялись мужики, похлопали друг друга по спинам. Круглолицый тем временем Надьку заметил и присвистнул.

— Саныч, ты чего это, женился, а сам ничего не сказал? — пожал Филька руку ему.

Саныч обернулся, посмотрел на свою ненаглядную. Та складки на скафандре снова разгладила, косичку назад откинула.

— Это Надя, — представил ее Саныч. В голосе звучало

такое обожание, что хоть прямо сейчас бы в койку утащил ее.

Кеплеровцы застенчиво руки протянули к ней.

— Надежда, — представилась она сама.

Те кивнули с глупыми улыбками «здрасьте».

— Ну ты даешь, Саныч! — Леха хлопнул его по плечу.

— Мы-то думали, ты тут один бирюком сидишь, от соседей отмахиваешься, а у тебя тут, оказывается, жизнь налаживается.

— Европейцев больше нет — выставил я их.

— Да как же тебе это удалось?

— А это вот все благодаря Наденьке, памятку она дочитала до конца, — похвалил Саныч свою ненаглядную. — Заправляться будете?

— А то! Бак пустой, еле дотянули. Мы с Кеплера через Проксима Центравру шли, груз забрасывали туда. Устали, как черти.

Саныч повел их к ферме. По дороге Филька болтал без умолку: про цены на топливо, про новый маршрут, как на Кеплере ремонт станции не могут закончить уже второе десятилетие и все рейсы задерживаются.

Леха шел, разглядывал все.

Тут им наперерез тихоходки выскочили, друзья Саныча их увидели, глаза округлили.

— Это чего у тебя тут, собаки?

— Что за порода?

— Тихоходки, — ответил Саныч.

— Ни фиги себе! Они ж маленькие должны быть, как миллиметры.

— Европейские, — пожал плечами Саныч, как ни в чем не бывало.

Пока Надька убежала в домовой контейнер суп заваривать и термопот включать, чтоб гостей накормить да чаем напоить, Саныч подключал шланг к бочкам и перекачивал метан в корабельный бак. Приложил он руку к шершавому боку, да погладил МАЗ.

Отвел Леха Саныча в сторонку под локоток, пока ненаглядная его не видит, и зашептал.

— Мы там одну штуковину подобрали, в космосе болталась. А нам сейчас на Земле товар принимать. Подержишь у себя, мы на обратном пути пустые будем, заберем.

— Чего за штука-то? — почесал затылок Саныч.

— Да? оборудование. Запчасть какая-то? видимо. Там таможня сейчас лютует после случая с контрабандой стержней для реактора. Проверяет всех.

— А у тебя здесь проверять некому, — вмешался Филька.

Надька, глядя в иллюминатор и помешивая тесто на блинчики, вытянула шею и прищурилась. Увидела она, как Саныч губу жует, да языком по зубам водит — размышляет, значит, о чем-то серьезном.

— Ладно, — махнул Саныч кеплеровцам. Леха засиял.

— Мы в долгу не останемся, сам знаешь!

И начали они МАЗ свой разгружать: мешки с гостинцами и ящик какой-то приволокли в самом конце.

Надька вытерла руки о фартук и пошла к мужикам, носом своим водить и вынюхивать, во что втянули ее благоверного. В одном мешке оказались консервы, в другом печенье, в третьем — чай.

— А это что? — она было потянулась к черному ящику, но Саныч ее приобнял и в сторонку отвел.

— Оборудование там. На ферму несите, — сказал мужи-

кам. Не в дом же Надьке под нос.

Филька сверток из-за пазухи достал и Надьке протянул:

— У вас на Земле такого уже нет — халва.

— Настоящая? — прижала к сердцу сверток, а сама все на ящик в Лехиных руках поглядывает.

— А то, — улыбнулся Филька, золотым зубом сверкая.

Улетел звездолет, — проводила его Надька взглядом и уперла руки в бока, да в Саныча взглядом таким строгим впилась, что тот на миг испугался за собственную жизнь.

— Ну и что там?

— Оборудование.

— Я разбираюсь, дай посмотрю. — Хотела она Саныча в сторону отодвинуть, да разве сдвинешь такого богатыря.

Поймал он ее в свои объятия, прижал к груди своей широко и зашептал на ухо:

— Надь, я мужиков давно знаю. Нормальные они, друзья мои. В баре с ним познакомились.

— И что? Бармен сказал, что доверять ему можно?

— Сказал. А я и сам разбираюсь, кто человек хороший, а кто нет. Попросил подержать ящик, мне не жалко. Чего тут такого?

— Ничего, — сказала так, будто очень даже «чего»! Вздернула нос Надька и отвернулась.

— Надь? Ну ты чего? — потянул он носом возле ее уха. Пощекотал шею.

Надька опомнилась да хлопнула его по рукам. В дом убе-

жала, блинчики чуть не сгорели. А Саныч к ферме зашагал.

Стукнул ногой по ящику, звякнуло что-то там. Переставил его в угол подальше от светоловки, чтобы не светили на него и не нервировал он Надьку. Подледянки из-под льда приподнялись, в трещинки пробились и потянули свои стебельки в сторону ящика.

Любопытные заразы, подлЯнки эти! Им бы все потрогать да обнюхать.

— Не лезьте, — настрого велел Саныч и пошел в контейнер домовой, Надьку задабривать и успокаивать. Да и халвы попробовать охота, чай угостили.

Ночь на Европе тихая была. Саныч храпел, Надька под боком сопела, уткнувшись носом ему в плечо. Картошка на лавке клубочком свернулась, ботву под себя подогнула. Тихоходки во дворе последними угомонились, да после вечернего пения в ряд легли у крыльца, как сторожевые псы.

А на ферме не спали!

Подледянки терпеливо ждали. И стоило всем уснуть, стебельки потянулись сквозь трещины к ящику. Самая длинная добралась первой, обвила угол ящика, пощупала. Ящик был гладкий, металлический.

Вторая подледянка подтянулась, третья. Обвили ящик, как удавы со всех сторон, нащупали замок. Одна потянула влево, другая вправо, третья на себя.

Щелк! Крышка подпрыгнула, подледянки юркнули в озеро.

Никто не высунулся изнутри ящика. Подледянки снова наружу, к нему. Зашарили там в поисках интересного. Внутри устройство обнаружилось.

Круглое, темное, с закругленными боками, будто жабры. А в центре линза. Подледянки устройство обхватили, закрутили, одна стебельком в линзу «тык-тык», и та мигнула зеленым.

Подледянки отпрянули, потом снова подобрались. Теперь другая ткнула в линзу. Та еще ярче замигала. Третья ткнула — устройство загудело.

Подледянки прислушались своими стебельками. Понравилось им это гудение, на вибрацию воды походило, когда криовулкан шалил. Подлянки устройство из ящика вытащили, и к себе под лед утянули. Оно еще громче загудело! Под-

ледянки затанцевали, газы начали пускать, метан в бочку пошел. И уснули довольные с устройством в обнимку.

А наутро Надька пошла ферму подводную проверять. Привычка у нее уже такая была — проснуться до Саныча, чайник поставить, косынку повязать и пойти лицо ледяной водицей ополоснуть. А где, как не на ферме с подледянками?

Тихоходки у крыльца сопели, прижавшись друг к другу. Прошла она мимо них, улыбнулась. Заходит на ферму, а там подо льдом свет зеленый горит. Ну у нее сразу глазки забежали, быстро она ящик раскрытый нашла! Руки в бока уперла, ногой топнула по льду, призывая подлянок наверх.

— А ну, выходите!

А те не идут, боятся. Надька за дверку без надписей сбегала в пещеру к окошку подледному. А они там и не чешутся, потягиваются да так недовольно смотрят на нее, мол, чего такую рань разбудила. Пока про устройство не вспомнили.

Надька щипцы для кормежки светоловок схватила да потянулась за устройством. А подлянки-подледянки еще и отдавать не хотели. Схватились за шар и не отдают.

— Ну-ка! — рассердилась она и дернула посильнее. — А то Санычу расскажу! — пригрозила водорослям.

Испугались подледянки, отдали. Надька плюхнулась на попу, устройство ей к ногам прикатилось. На колобок похожее. Повертела она его в руках, все-таки специалист по технике. Нашла за жабрами панель, сдвинула, а там микросхема земная с номером. На Земле ей часто приходилось запчасти

чинить, разбиралась как-никак.

Но это оказалось другое:

— Это же маяк! Сигнальное устройство, которое кому-то что-то транслирует, — ахнула она.

Надька нашла тумблер и щелкнула: линза погасла, устройство стихло.

Подледянки в озере подводном заворочались обиженно и на глубину ушли. А Надька завернула шар в косынку, будто кто с той стороны мог подглядывать, подмышку да в контейнер домой понесла — устраивать Санычу допрос с пристрастием.

Саныч как раз проснулся, сидел на лавке, глаза потирал. Надька ему с порога шар и плюхнула на стол. Встала сама перед ним недовольная вся из себя.

— Это?.. — озадачился Саныч.

— Это из ящика. Подлянки ночью вскрыли его и к себе утащили. Включили.

В это время картошка с лавки стебли свои любопытные к шару потянула, приняхалась. Надька фыркнула на нее, чтоб не лезла и села напротив Саныча.

Тот устройство повертел, брови сдвинул.

— Это маяк, Сань. Он всю ночь сигнал куда-то посылал, пока я его не выключила.

Молчал Саныч с суровым взглядом, языком по зубам в задумчивости туда-сюда.

— Куда посылал?

— А кто ж его знает. — Надька поднялась, ладошки в стол

выставила, нависла над Санычем. — Я тебе вангую — скоро узнаем.

Она обвела взглядом потолок, словно через него небо темное европейское видно было.

— Это все твои друзья. Подобрали где-то в космосе, а ты даже в ящик не заглянул, не удосужился проверить.

— Надь... — Саныч смотрел, будто побитый.

— Я тебя не ругаю, а спрашиваю: ты знаешь от чего этот маяк?

— Леха сказал запчасть какая-то.

— Леха сказал, — передразнила Надька. — А ты ученый, диссертацию защищал.

— Леха сам не знает, что это.

— А может, и знает, а тебе не сказал. А оно всю ночь сигналило неизвестно кому с нашего гектара.

Надька обиженная отвернулась, поставила термопот позолоченный подогреваться. Она-то думала тут на гектаре спокойно (картошка, тихоходки), а тут — борьба за биотопливо, маяк. Да бог еще знает, что!

— Я не буду тебе указывать, — сказала она не оборачиваясь. — Но если ты помогаешь контрабандистам, которые разоряют звездолеты, скажи мне прямо. Чтобы я знала, во что вляпалась.

— Надь, да не помогаю я никому.

— А что ты делаешь? — она обернулась, сверкнула глазами блестящими в Саныча.

Молчал он, потому что диссертация диссертацией, а доверяй, но проверяй. Да и о пиратах космических он легенды слышал. Кто знает, как они выглядят.

Покосился Саныч на маяк.

— Я разберусь, — сказал он наконец.

— Мы... мы разберемся, — поправила Надька и отвернулась. — Завтракать будешь?

— Сам сделаю, — отодвинул он ее к окну.

Там за окном тихоходки проснулись уже, гоняли картошку по грядкам.

Весь день Надька с Санычем почти не разговаривали. Саныч на ферме возился, бочки перекачивал, на подлянок-подледянок ворчал. Те обиженные на глубине сидели и даже газов почти не пускали. Видать, расстроились из-за отобранной игрушки. Топлива полбочки за день вместо обычных двух.

Надька на грядках ковырялась. Руки чем-то занять надо было, а то мысли дурные в голову лезли. Взяла она тяпку, да свеклу окучивать пошла, хотя та в этом совсем не нуждалась — морозостойкая, в лед выросла, ей и так нормально. Но сидела, помалкивала, да на Надьку поглядывала, пока та с тяпкой вокруг суетилась.

Пока Надька не видит, позвонил Саныч по видеоокну Лехе, хотел, как мужик с мужиком поговорить. Но не ответил тот, абонент не абонент.

К вечеру Саныч сам к Надьке подошел, вздохнул. Про-

стила его Надька без слов, в грудь носом ткнулась. Сдалась ему на кухонном столе, по традиции перед надвигающейся бедой. Да не зря.

Только слезла запыхавшаяся Надька со стола, отдышаться пытается, да пора бы уже и ужин накрывать, как нависла над Европой тень мрачная.

Пришла беда, откуда не звали.

Тихоходки за окном завыли, задрали свои круглые морды к потолку. Картошка под лавку забилась, клубни свои поджала.

— Сань? — толкнула его Надька вбок.

Тот подскочил с дикими глазами. Подумал уж было, что мало Надьке. А она ему в окно тычет.

— Слышишь?

Прислушался Саныч, натягивая комбинезон. Гул начал тихоходок перекрывать, нарастать. Он метнулся к окну, занавеску отдернул — над гектаром в небе висит что-то, мигалкой моргает и лучом красным по периметру сканирует, словно ищет что.

— Не МАЗ, — протяжно вздохнул он.

— Само собой, у тех рога, а у этого клешни снизу.

Датчики на столбах заморгали оранжевым, СО₂подскочил. Надька невольно под лавку глянула, проверить, как там картошка.

— Это на маяк прилетели. Я же говорила, тот всю ночь сигнал посылал.

Саныч с крючка ружье бластерное сдернул, опустил визор на шлеме да к двери кинулся. Ну рембо, не иначе. Надька за ним на крыльцо выскочила, а там уже светомузыка на гектаре: столбы оранжевым мигают, этот красным светит, световолки подавились сгустками, закоротило их. А маяк сам включился и выкатился из контейнера домового.

— Это дрон! Спасательный! — догадалась Надька, разглядев маркировку на брюхе корабля — белый крест в круге. — Он автоматический, без экипажа! — ей кричать приходилось, чтобы Саныч услышал ее сквозь гул.

— И чего ему надо?!

— Он думает, что мы терпим бедствие! Маяк же сигнал подал!

Саныч дрону рукой махнул, мол, отбой, нет бедствия. А у дрона сенсоры, он живых обнаружил, подумал, что помощь его срочно требуется, вот они выжившие с корабля. Захватил Саныча с Надькой в цель, и как начал свои клешни спасательные к ним тянуть.

А из креста белого свет магнитный вспыхнул. Попал прямо в бочку с метаном, что стояла у дома. Бочка дернулась и вверх поплыла.

— Эй! Это мое! — заорал Саныч.

Пропала бочка в брюхе спасательного дрона. Не слышал он Саныча.

Вскинул он двустволку бластерную, прицелился, да как выстрелил в дрон. Чиркнул луч лазерный по металлу, искры в стороны полетели, но не дрогнул дрон.

Ему хоть бы хны, он же спасательный, с защитным корпусом.

Надька тем временем только успевала от клешни скалкой отмахиваться (что на кухне первое под руку подвернулось, то и схватила).

— Он думает, что спасает имущество с терпящего бедствие звездолета.

Тихоходки, глядя на происходящее, осмелели, выбежали, прыгать стали на дрон. У того от количества терпящих бедствие все клешни разбежались, не знал, за что хвататься.

Луч магнитный продолжал неживые объекты тянуть, Саныч отстреливаться, тихоходки закрутили клешни. Одна заметила кадку со светоловкой, схватила ее, вверх потянула. Надька подбежала — вниз тянет на себя. У светоловки от испуга голос прорезался.

Саныч подскочил, обхватил Надьку за пояс, уперся ногами в лед. Снизу его за ногу тихоходка потянула, за тихоходку картошка — вытянули светоловку из клешни спасательной!

— Надо маяк отрубить! — перевел дыхание Саныч, вытер пот со лба.

— Как?

— Ты ж техник.

Надька нашла шар между грядок, подхватила. В этот момент луч магнитный в лавку вцепился.

— Зараза! — выругалась Надька и за жабры схватила шар.

Маяк слал сигнал бедствия на определенной частоте, на которую дрон был настроен. Если заменить сигнал, что бедствия нет, то дрон улетит.

Пальцы Надьки затряслись. Саныч там хозяйство отбить пытался, а она тут с микросхемой ковыряется.

Нашла Надька модуль передачи, выдернула один контакт, переставила в соседний слот. Щелкнула тумблером. Потухла зеленая линза, и дрон тотчас замер. Клешни свои медленно втянул, свет магнитный выключил.

Стихли тихходки, перестала кричать и моргать светоловка.

А потом спасательный дрон выплюнул на гектар все, что успел забрать: бочки, лавку, скафандры, что сушились на веревке. Саныч едва успевал уворачиваться от снарядов.

Дрон поднялся, развернулся и ушел в космическую пустоту.

Стоял Саныч посреди гектара с кадкой светоловки, да Надька с растрепанными косичками рядом и с шариком в руках. Картошка вылезла из-под крыльца и начала все метить ходить, глазки свои сбрасывать.

— Че сделала с ним? — Саныч кивнул на маяк.

— На прием сигнала перенастроила.

Поставил Саныч кадку, подошел к Надьке и обнял. Да в кровать потащил от любви большой. Не отдаст он никому такую золотую.

Уснул Саныч, засопел, рука его тяжелая Надьку к кровати придавила. А она, как обычно, из постели выбралась, накинула скафандр на плечи, шар под мышку, да в гараж с ним

направилась. Мысль у Надьки в голове вертелась, спать не давала. А когда не получалось уснуть, на Земле она всегда шла чем-то руки занять.

Картошка одним взглядом проводила до двери.

— Спи, — шепнула ей Надька и на цыпочках за порог.

А вот тихоходки подняли морды, хвостами вильнули и за ней пошли. Набились в гараж, не развернуться было.

Маяк-то она на прием перенастроила. А что он принимает? Включила Надька тумблер на шаре — тишина. Повертела в руках шар: раз принимает, значит, антенна есть внутри встроенная, но слабенькая видать.

— А если усилить? — заговорила Надька сама с собой, косичку заплетая. Закатала рукава и принялась кумекать.

Если подянки-подледянки ее под воду сунули и сигнал усилился? Возможно, вода как проводник сработала. А что, если?.. Прикусила Надька губу, глаза загорелись, руки сами потянулись к панели за жабрами. Порылась в карманах скафандра, шпильку нашла. Куда ж в космосе без шпильки, она и замок какой откроет, и... Воткнула она ее в микросхему как перемычку, чтобы антенной дополнительной служило, контур замкнула, щелкнула тумблером.

Линза загорелась фиолетовым, шар загудел, замерцал. Надьку шпильку повернула — помехи пошли как в эфире. А потом сквозь шум голоса и...

— Музыка? — удивилась Надька прислушиваясь.

Не разобрать, далеко и еле слышно. Надька еще покрути-

ла шпильку и шар к окошку поднесла, повыше, к потолку его вытянула где прием получше. Стоит так как статуя какая греческая.

И вдруг льдины заволновались, задрожало все — криовулкан очередной запыхтел, водичку подогревать начал. На ее памяти Саныч еще ни разу баньку не пропускал, значит, проснется сейчас.

— Пошла вода горячая.

И точно — застучало с той стороны, а Надька только паяльник включила. Высунулась она в щелку, вся чумазая, с паяльником.

— Надь, ты чего там? — удивился Саныч.

— Сюрприз! — чмокнула его в небритую щеку и обратно скрылась.

Тихоходок вытолкала, чтобы охраняли.

«А если допаять еще кое-что вот тут, чтобы не только на прием работало...» — Надька аж подпрыгнула на месте от своей идеи.

Саныч в баньке в бочку деревянную залез, вытянулся блаженно, только борода одна над водой и торчит. Хорошо!

Три часа не выходила Надька и не пускала никого в гараж.

Саныч в баньке, Надька в гараже, картошка от скуки на тихоходках начала кататься. Надька смотрела в окно на это безобразие, да только паяла дальше молча.

Еще через час выскочила Надька и понеслась сломя голову.

— Сань-Сань! Бегом гараж! — Она вбежала в баню вся запыхавшаяся, грудь то и дело то поднимает, то опускается. Никак отдышаться не может. А в баньке еще пар, не видать ничего, она косынкой машет, обмахивается, клубы разгоняет. — Там это... это!..

«Неужто снова первые европейцы нагрянули?!» — поднялся Саныч из бочки, сжал кулаки. Весь покрасневшийся как рак, глаза такие же круглые.

— Да не переживай ты так. Но там такое! Надевай скорее скафандр!

Она сняла с крючка одежду, подставила Санычу поудобнее, тот сунул ноги в сапоги, руки в рукава. Надька на плечах ему скафандр поправила, чтоб сидел хорошо, стряхнула пылинку.

На Европе кислородом можно и так дышать, и как дома в шароварах бегать, но техника безопасности по памятке не велела. Все-таки космос.

Повела Надька Саныча в гараж, завела за руку туда, а там музыка.

— Это че такое? — прислушался он.

— Нравиться?

Надька так пронзительно заглянула ему в глаза, что Саныч на миг подумал: неправильно ответит, соберет ведь чемодан

и улетит первым звездолетом. Тихоходок только оставит, не влезут они уже в термобидоны исследовательские.

Но музыка ему нравилась. Такая интересная и за душу брала. Присел Саныч на табуретку, кулачок под щеку и слушает. Линза на шаре переливается фиолетовым и серебристым. И тихоходки в углу сидят подвывают.

— Красиво поют. Это на каком?

— Тебе виднее, ты у нас специалист по межвидовому общению. — Надька на колени ему присела, обняла. — Это он волну поймал, на которой радио вещает по галактике. Я там подпаяла кой-чего, мы теперь и сами вещать можем дронов не боясь.

— Так это, что получается? У нас теперь и радио есть?

— Радио Европы. — Надька засмушалась чего-то, косынку поправила, румянцем залилась. Не думала она совсем, что так далеко зайдет.

— Так, мы можем теперь тоже песни свои передавать, тихоходки вон подкаст себе заведут завывательный.

Те в углу радостно закивали.

— Вместе будем вести, — расплылась в улыбке Надька. — Будем про Европу рассказывать, людей привлекать. А то они ж ни черта не знают, как тут на самом деле хорошо.

— На Проксиму вещать сможем, взаимовыгодный обмен: они нам мыльные оперы, а мы им рок-оперы, — согласился Саныч.

Надька потянулась, кнопку на шаре нажала, прием сме-

нился на передачу, и тихо запела туда на всю галактику: «Надежда, мой компас земной»...

Саньч закрыл глаза и слушал, светоловки бутоны раскрыли, тихходки замерли. Даже подянки-подледянки на ферме услышали и стебельки на поверхность подняли.

А Надькин голос летел через шар на всю галактику: к Кеплеру, к Проксиме, к аттерианцам. Куда дотянулся, туда и долетел.

А где-то там, далеко-далеко, кто-то ее слушал.

Часть 3 «Посылка от аттерианцев»

22

Саньч на ферме со светоловкой ковырялся. Достал из ведра сгустки желеобразные, разложил по мисочкам и стал в каждую подмешивать что-то. В одну — порошок от сушеной подледянки, в другую — каплю метана, в третью — сок от свеклы ядовито-малиновой, что Надька вырастила.

Светоловки в кадках пасти раскрыли в предвкушении.

— Да погодите вы! Не готово еще, — отодвинул он одну, самую нетерпеливую.

Хотел он Надьке к Новому году сюрприз сделать. К Европейскому Новому году готовился, он здесь пораньше земного наступал чуток из-за разного подсчета суток и евруток. И задумал Саньч гирлянду из светоловок разноцветную. Обычные-то они белым светились. А вот если сгусток подкрасить?

Сунул он первой светоловке амебу желейную с подледяночным порошком. Та прожевала, проглотила и засветилась голубым! Саньч аж крикнул от удовольствия.

Второй попробовал скормить с каплей метана. Светоловка поморщилась и зеленым вспыхнула!

Третьей — со свекольным соком. Светоловка сглотнула,

замерла и полыхнула розовым. Да так ярко, что Саныч за-
жмурился.

— Вот те и гирлянда! — хмыкнул он довольно. Поднялся,
руки отряхнул. — Надьке понравится.

Вышел счастливый с фермы, огляделся. Небо европейское
хмурится, ветер завывает — «зима близко», подумал Саныч
и побрел в домовой контейнер.

Туда уж целая стая тихоходок внутрь ломилась. Здоровые
вымахали, друг друга расталкивали, в дверь не помещались.
Самая мелкая, размером с корги, по спинам старших пере-
бралась и внутрь первой юркнула.

Криовулканы запыхтели, лед затрещал. Тихоходкам не
нравилось, когда они шалят и все вокруг трясется, потому и
ломились в доме спрятаться. Умные скотинки.

Саныч подошел к контейнеру, тихоходки внутри уже на-
бились, как селедки в бочку. Одна самая здоровая (они с
Надькой ее Гаврюшей назвали) уже в высоту Саныча пере-
росла в холке, стояла посередине, а остальные вокруг нее по
бокам грелись.

Почесал затылок Саныч, покумекал.

— Надо для них ферму, что ли, строить, а то нам самим
скоро жить негде будет.

Гаврюша увидел его, подскочил радостный, лизнул в ли-
цо, прилип лапами к плечам и давай хвостом вилять. Надька
только успевала уворачиваться с кастрюлькой борща. Язык
у Гаврюши шершавый, как наждачка, — Саныч скривился.

— Да уйди ты, здоровяка! — увернулся он от животинки, вытер щеку рукавом.

— Может им с соседнего гектара контейнер притащить? Там же пустые стоят после первых европейцев.

— Да как же его переставить? Он тяжелый, зараза, — Саныч прикинул в уме. Контейнеры трехэтажные, литые, металлические. Руками не сдвинешь, техники нет.

— А ты Гаврюшу бери, — Надька подвинула тарелку ядовито-малинового борща, да на здоровяка кивнула. — Он сам и дотащит, вон какой вымахал.

Гаврюша имя свое услышал, подскочил, запрыгал, аж лед под контейнером затрещал. Саныч хмыкнул, почесал Гаврюшу за тем местом, где у нормальных животных уши. А животинка и рада, лапой задней от блаженства задергала.

— Сейчас доем и пойдем. Гаврюша, собирайся.

После обеда Саныч накинул на Гаврюшу упряжку самодельную из шлангов топливных (еще в прошлом месяце соорудил, когда борозду под свеклу вели). Остальные тихходки морды к нему потянули. Разве оставишь их? Пришлось всей стаей идти.

Повел их Саныч к мосту ледяному, через разлом перекинутому. Между прочим, единственная переправа между гектарами. А разлом глубокий, и не видать, что там на дне, одна темень.

Саныч там контейнер ближайший, что поменьше, тросами зацепил за упряжку. Гаврюша уперся всеми шестью лапами

и поволок.

Надька дома осталась: посуду перемыла, по видеоокну с Землей поболтала. Налила чай в блюдце, только отхлебнула, как слышит грохот дикий. Глядь, а это Саныч по мосту Гаврюшу ведет, а тот упирается, высоты боится. Саныч его тянет за упряжку, уговаривает, а тот упирается. А на этой стороне уже группа поддержки из тихоходок собралась, нервничают, мечутся, ждут.

Гаврюша нервничает, пыхтит на всю Европу, контейнер по льду скребет так противненько. Медленно, но идут по мосту. Лед на мосту трещит. Это тебе не бочку с метаном переправлять или европейцев пропускать, здесь целый Гаврюша с контейнером.

Надька у окна заморгала, ахнула и ладошку к щечке приложила. Тут и картошка с лавки спрыгнула и хозяйке на колени вскочила. Тоже стебли свои вытянула и в окно глазками смотрит. Надька от волнения по ботве ее все гладит, гладит. А лед трещать продолжает.

Мост прогнулся, Надька дыхание задержала. А потом закончилось все, — прошли разлом и на своем родненьком гектаре оказались.

— Все-таки нашествие первых европейцев выдержал, когда они по нему толпой туда-сюда ходили, — выдохнула Надька.

Расслабилась она, ссадила картошку с колен и побежала Санычу навстречу.

Тем временем Саныч разместил контейнер у края гектара, отцепил Гаврюшу и дверь распахнул. Тихоходки на радостях запрыгали, загалдели как галки, да внутрь все набились.

— Ну вот, принимай работу! Теперь у нас свой дом, у них свой. Завтра внутри еще обустрою им поудобнее, сена натаскаю.

— Какого сена, Сань? Здесь лед один. Европчиков завались, девать некуда, — припомнила Надька льдинки европейские.

— Ну ботвы сухой. Картошка старую сбрасывает, а я со-

бираю. В хозяйстве все пригодится. Она мягкая и теплая.

Надька умилилась — хороший ей все-таки мужик достался: хозяйственный, с диссертацией. Для тихиходок вон дом сделал, для подледянок озеро, для картошки грядки.

Вернулись они к себе раскрасневшиеся с мороза и довольные, налили чаю, Саныч плюхнулся рядом с Надькой на лавку, приобнял.

— Сань, а мне ты на Новый год что подаришь? — Надька ресницами кокетливо замахала.

— Сюрприз, — подмигнул Саныч.

«Мастерит, значит, что-то втихоря и прячет».

Пока Надька после ночи любвеобильной в баньку бегала, Саныч поспать хотел, как обычно, да в гараже вдруг радиос шар затрещал. Он туда. А Надька на обратном пути идет из бани, слышит — говорит он там с кем-то. Да не просто с кем-то, а голос из динамика льется женский, мягкий такой, воркующий. И не наш, а инопланетный.

Аттеринка аттерианке рознь, а своего мужика Надька никому отдавать не собиралась. Подобралась и под дверью притихла, ухом к замочной скважине приникла.

Саныч там над линзой склонился, руками размахивает, объясняет что-то на аттерианском, будто через шар его видят. Он аттерианский язык кусками знал, по тавернам нахватался, пока диссертацию писал. Так, с пятого на десятое понимал кое-что, без жестов рук там не обойтись никак.

Назвал он координаты Европы и отключил шар.

Саныч слышит шорох за дверью, поднялся со стула. Не успела Надька отскочить, когда он ручку дернул. Чуть не наступил на нее.

— А ты чего тут? Под дверью? — опешил он.

— А ты? — Надька плечи расправила, грудь выкатила. И Санычу за спину заглянула, будто могла увидеть, с кем он по шару балакал.

— Ты это, только не пугайся, — предупредил он.

А Надька все стоит. Уже руки на груди сложила, ножкой притопывает так требовательно — объяснений ждет.

— Аттерианцы едут, — сказал Саныч.

— Это я уже и так поняла. А чего это она так... нежно с тобой да бархатно балакала? — Глаз у Надьки ни один не дернулся, впилась в Саныча взглядом, будто в цепи заковала и держит. Не отпускает.

— Кто? — не понял Саныч.

— Ну она. Женский голос-то я и на другом конце галактики узнаю.

— У аттерианцев все так говорят.

— Все? — Бровь одна Надькина взметнулась, изогнулась змеей хищной.

Саныч пригляделся к ненаглядной своей и хмыкнул довольно — «ревнует». И лапищи свои богатырские к ней потянул.

— Надь...

— Что, Надь?! Слушай свой радиошар дальше, — фыркнула она и отвернулась. Пошла к стеллажу с инструментами, отвертками загремела. Другая бы кастрюлями гремела, а эта отвертки перебирать вздумала.

Линза снова вспыхнула, и что-то заговорил голос.

— Понял, принял, — ответил Саныч туда.

Связь закончилась. Он почесал затылок и к Надьке пошел.

— Навигатор там маршрут проложил, через пару дней будут. Там мамочка какая-то с детьми летит.

Надька перестала греметь и обернулась:

— Что значит мамочка?

— А то и значит. Говорит, подобрала в космосе что-то, хочет нам передать. По координатам маяка на нас вышла.

— А что подобрала?

«Вот лишь бы сгрузить все куда-то», — подумала сама.

— Не разобрал, капсулу гибернационную, что ли, какую. Говорит это ваш там в ней.

Надька отвертку отложила, помолчала.

— Ладно, — сказала, наконец. — Пусть летят. Посмотрим, что там на этот раз за посылка.

Два дня Надька с Санычем готовились. Не то, чтобы она знала, чем аттерианцев кормить и как встречать, пришлось по видеоокну с подругой с Земли консультироваться. Да и что там, своим фирменным угощать надо: наварила она суп, напекла блинов, чай вкусный заварила. Саныч ходил посмеивался над ней: может, они и не едят такое. А Надька только фыркала в ответ:

— Не едят, так посмотрят. Стол должен быть накрыт.

Саныч опять скрылся в гараже к шару поближе, а Надька слышит — опять бубнит там. Она дверь прикрыла и встала на пороге.

— Это ты с кем там? — не выдержала Надька.

— погоди, — отмахнулся не глядя. — Они уже на подлете, иди встречай.

Надька вышла на крыльцо, поднесла руку ко лбу козырь-

ком и всмотрелась в космическое небо. Ничего не летит пока, тишина. Только тихходки у нового контейнера возятся, обживаются. Гаврюша тоже в небо взглянул.

Надька фартук одернула, скафандр поправила. Одно дело аттерианцев по радиoshару слушать, другое — живую видеть. Она же их только на картинках видела в учебнике по ксенобиологии еще когда в школе на Земле училась.

Там они нарисованные, а какие в жизни?

— Сань, а они большие? — крикнула она в гараж. Саныч там шар убирал на полку повыше от греха подальше.

— Кто?

— Аттерианцы.

— По-разному. Мамаша эта, судя по голосу, крупная, а детишки мелкие должны быть. — Саныч вынес устройство (наушник-переводчик) и встал рядом с Надькой.

— Сколько их?

— Пятеро вроде.

— Пятеро?! — Она ахнула и на дом оглянулась. Забеспокоилась, хватит ли блинов на всех.

Не успела и шагу сделать, чтоб пойти еще тесто намесить, как в небе загудело. Датчики на столбах даже не моргнули.

Пузатый звездолет тихо вынырнул из темноты. Он был кругленький, маленький и красный, немного обшарпанный и с вмятинами на боку. Надька пригляделась — еще и изрисованный детскими щупальцами. Цветочки там, звездочки, рожицы.

— Это они что, прям на корпусе рисуют? — Надька рот приоткрыла.

— Когда у нас будут дети и звездолет, я им тоже разрешу. Надька покосилась на Саныча и улыбнулась. Губу аж от смущения закусила.

Звездолет аттерианский мягко сел. Не то, что МАЗ кепле-рианский — при посадке полгектара закоптил.

Шлюз открылся и показалась Тувия.

Надька непроизвольно отступила и в Саныча спиной уперлась. Тот ее за плечи придержал.

Аттерианка была... большая. В ширину больше Саныча, ростом пониже чуть, но зато щупалец — не сосчитать. Одни по бокам, другие понизу. Кожа гладкая, черная и чуть поблескивает от слизи. Глаз четверо оказалось и все на Надьку с Санычем уставились. Улыбнулась Тувия и что-то забулькала, защелкала. Точь-в-точь как по радиошару.

Саныч вперед бросился, руками замахал, забалакал в ответ мешаниной из аттерианских щелчков и русских слов. Тувия склонила голову набок и ответила медленно, как будто для тупого.

— Что говорит? — шепнула Надька Санычу.

— Здоровается, говорит, рада, что долетела. Спрашивает, где капсулу поставить.

Надька не успела ничего ответить, потому что из шлюза посыпались дети. Один, второй, третий, четвертый, пятый. Мелкие, шустрые, щупальцами во все стороны туда-сюда. Каждый размером с маленького осьминожку. Заметались их глаза по гектару — не видали они еще никогда такого. Будто за границей оказались. Только один, самый крупный, видимо, старший, степенно спустился и встал рядом с матерью. Всем своим видом показывал, что ему все равно, и чего

он здесь не видел в этой Солнечной системе.

А вот младшие такого самообладания не имели. Один тотчас к картошке принялся, другой к светоловке потянулся на столб. Третий к тихходкам сунулся. Те морды из контейнера нового высунули, обомлели. Брат его (или сестра, Надька никак не могла разобрать, кто есть кто), подскочил к Гаврюше и обхватил щупальцами за нос. Тихходка от неожиданности чихнула, что малыша отбросило на три метра. Надька испугалась, ахнула, хотела уже бежать спасать, как вдруг дети смехом залились. А малыш по льду прокатился, встал и обратно побежал. Понравился ему аттракцион такой. Надька и сама невольно улыбнулась.

Смотрит в сторону, а на поле уже картошка бежит. Аттерианский детеныш за ней, она от него. Только клубни да щупальца мелькают.

Надька только рот открыла, как что-то липкое и холодное ее ноги коснулось. Девочка, видимо, помельче остальных, взобралась на нее и за косичку щупальцем потянула. Надька замерла, боясь пошевелиться. А малышка понюхала и что-то пробулькала восторженно.

— Она говорит, у тебя красивые отростки на голове, — перевел ей Саныч.

— Спасибо, — пискнула Надька.

— Ты переводчик-то включи, — он указал на наушник в ее руке, который она так и не надела.

Та девочка, что за светоловкой лезла, медленно сползла

по столбу, оставляя склизкий след, и к матери потянулась. Вцепилась в ее щупальце. А когда Саныч ей руку протянул, она вообще отвернулась и спряталась за маму.

— Да ты не бойся, светоловка не кусается. Она так, пасть только разевает, — объяснил Саныч. — Не тронут они вас.

Уверенности в сказанном у Саныча было процентов на восемьдесят, все-таки светоловка прикормлена на сгустки желеобразные. Не съест аттерианцев точно, но куснуть все же может.

Саныч с Тувией начали капсулу гибернационную выгружать. Аттерианка двумя щупальцами свой конец подхватила, Саныч свой, и потащили. Тяжелая она была, еще обледевшая и с вмятинами по бокам. Сразу видно, что долго в космосе дрейфовала. Поставили ее у гаража на лед.

Надька подошла, протерла стекло рукавом. Внутри и правда человек, мужчина. И тут дети снова набежали. Облепили капсулу со всех сторон, прилипли щупальцами к стеклу, носы свои расплющили...

— Мам, а почему у него так мало щупалец? — первым затараторил Шuvi, самый шустрый. — Ему же неудобно так, наверное.

— Мам, а почему у него всего два глаза? — Это малышка Муви подобралась к стеклу снизу и втиснулась между братьями.

— Мам, а это взрослая особь? — Руви постучал щупальцем по капсуле. — А то маленький какой-то.

Надька с Саньчем переглянулись, она приснула в ладошку. Это малыши про рост говорили.

— Мам, — с некоторой долей страха в голосе произнесла Дуви, глядя на голову человека и тонкие, торчащие в разные стороны, отростки на ней. — Они такие страшные, — заключила она.

Самый старший, Гуви, который делал вид, что ему все равно, не выдержал и тоже подошел. Наклонился к стеклу, прищурился.

— Мам, а что это за недоразвитое щупальце там посередине?

Саньч закашлялся, Надька покраснела до самых ушей. Аттерианка не смутилась, подползла к собравшимся:

— Отлепитесь уже от него, что вы прилипли! — гаркнула она. — Всю капсулу вон извозили в своей слизи. — Тувия

строго булькнула что-то длинное.

Это Надька с Санычем поняли без переводчика, у всех матерей в галактике один язык.

Маленькие щупальца медленно соскользнули вниз с капсулы. Руви нехотя отлепился от стекла, оставив на нем разводы слизи.

— Мам, а давай его себе заберем? Я его завтра в садик возьму, покажу всем!

Тем временем Надька обошла капсулу с другой стороны, присела, протерла боковую панель. Серийный номер, выбитый на металле под слоем инея и слизи совпадал с тем, что был на маяке, который теперь ради шаром стал.

— Сань, иди сюда, — позвала Надька тихо. Он подошел, присел. — Тот же, что и на маяке. Они с одного корабля.

— Надо разморозить и узнать, что случилось, — кивнул Саныч.

— Я ее в космосе дрейфующую подобрала. По серийнику мне программа координаты маяка выдала, ну и я позвонила по этому номеру с капсулы, — прощелкала Тувия.

— Спасибо, разберемся.

Саныч толкнул капсулу в гараж и включил пробуждающую медленную разморозку.

— Пойдем пока гостей накормим.

В домовом контейнере тесно стало. Тувия полкухни заняла. Она на полу расположилась, подогнув щупальца. Дети расползлись кто куда. Шуви залез на потолок и свесился от-

туда вниз головой. Муви сидела у Надьки на коленях и ко-сички ее щупальцами перебирала. Дуви забилась в угол лавки и поглядывала на всех оттуда. Руви все трогать пыталась, а Гуви стоял у стены со скучающим видом.

Саныч чай всем налил, Надька блины в центр стола подвинула.

Тувия потянула щупалец к блинам, приняухалась. Прожевала медленно и одобрительно булькнула детям. Те увидев, что мама ест, тоже накинулись. Да так быстро, что Шуви с потолка свалился прямо в тарелку с супом.

Брызги полетели во все стороны! Надька только ахнуть успела.

— Ничего-ничего, — улыбнулся Саныч, вытирая борщ со щеки. — У нас картошка тоже в суп сама прыгает, когда варишь.

Пока дети ели, роняли и разливали, Тувия рассказывала.

Работала она лаборантом, изучала инопланетные виды. Для нее люди — это инопланетяне. Распределили ее на Проксиму Центавра, там колония смешанная, людей много и других хватает. Самое то для изучения. Далеко ездить, конечно, и долго, но что поделать, — работа есть работа.

— Каждый день? — поразилась Надька. — Это ж сколько лететь?

— Четыре часа в один конец.

— Батюшки! Восемь часов в день только на дорогу! — ахнула Надька и чаек отхлебнула. Головой с боку на бок покачала.

— В пробках бывает и дольше. У Проксимы из-за ремонта вечный затор на орбите. Вчера день суматошный выдался, чваранцы опять объявились. Агрессивный вид, вечно лезут, куда не просят. Пуляли из своих ракеток в защитный планетный экран. Смешные такие, — радостно забулькала Тувия. — Всем отделом в окно смотрели, пока начальник не пришел и не велел работать.

Надька усмехнулась. В какой край галактики ни полети, везде одно и то же, что на Земле, что на Проксиме. Начальство не дремлет.

— Из-за чваранцев крюк пришлось делать на обратном пути домой. Летела по космосу, торопилась детей забрать из

садика, а тут вот капсула смотрю по обочине медленно крутится, — продолжала Тувия. — Сначала мимо пролетела, — она опустила глаза, — потом совесть замучила, развернулась, подобрала. Магнитным лучом в шлюз затянула. А потом и вас нашла.

— Вы нам координаты, где нашли ее, сбросьте, — попросил Саныч.

Надька на него посмотрела: надо бы и у Фильки с Лехой узнать, где они маяк подобрали. И что это вообще за звездолет такой, что у него то маяки теряются, то капсулы гибернационные.

Нахмурился Саныч, помрачнел.

Не теряется ничего просто так, а слухи про космических пиратов не появляются на пустом месте.

Тем временем Руви добрался до картошки. Та, наконец, сдалась и позволила себя погладить (а то все убегала, а он ее за ботву тянул).

Он обхватил ее щупальцами, поднял за ботву и побежал маме скорее показывать. Картошка клубнями в воздухе болтала, но не сопротивлялась.

— Я тоже такую хочу! — пробулькал он.

— Положи картошку и не мучай, у тебя своих рыбок в аквариуме хватает.

Руви скуксился, пустил облачко черных чернил и заполз на потолок.

Ближе к вечеру дети набегались, наелись, обмякли и к

мамке прижались. Только Муви как сидела у Надьки на коленях, так и заснула. А Гуви как самый «взрослый» ушел по гектару слоняться.

Тувия засобиралась.

— Оставайтесь до утра, куда вы на ночь глядя полетите?

— предложила Надька шепотом, чтобы малышку не разбудить.

Аттерианка поблагодарила да повела своих мягкотелых на звездолет по койкам укладывать. По дороге и Гуви из-за гаража забрала.

— Мам, а нам на завтра поделку задали. Можно я у того человека в капсуле что-нибудь возьму, и из этого сделаю? — спросил Шuvi, едва не свернув шею в сторону гаража, мимо которого они проходили.

— Какую еще поделку? — Аттерианка тянула его за щупальце за собой и не оглядывалась.

По ребенку на щупальце ей приходилось — как раз все конечности и заняты.

— К празднику Великого знакомства. Очень тематически будет, если человеческое что принесу, — продолжал просить Шuvi.

— Ох, я и совсем забыла. А почему раньше не напомнил? — Тувия заторопилась на звездолет.

— Забыл. — И улыбнулся так невинно.

— Сейчас поищу в ящиках что-нибудь, может что из прошлогодних поделок Дуви завалилось.

— Но я сам хочу... — возмущенно щелкал сын.

— Зато в следующий раз будешь вовремя все делать и напоминать, — строго заявила Тувия.

А Надька на крыльце стояла и наблюдала за ними, да отвернула глаза свои блестящие, чтоб Саныч не увидел. Тот все равно заметил, но промолчал. Только руку свою тяжелую богатырскую ей на плечо положил.

Сели они на лавку.

— Хорошая она, эта Тувия.

— А ты все ревновала, — поддел ее Саныч, чтоб развеселить чуток.

Надька его в бок локтем толкнула:

— Ничего я не ревновала.

— Ну-ну.

— Когда разморозка закончится?

— Думаю к утру.

Плохо спала Надька той ночью, все ворочалась, просыпалась, прислушивалась. Все ей смех детский слышался. А Саныч храпел как ни в чем не бывало.

Утром Тувия засобиравалась, аттерианский звездолет загудел. Да только сперва пришлось детей по гектару собирать. Они шустрые малявки и скользкие, разбежались кто куда. Один на крышу контейнера залез, другой на ферме с водорослями контакт налаживал... Тувия их собирала, Надька помогала, Саныч гостинцы складывал, а Гаврюша ходил по гектару и жалобно мычал, что гости уезжают.

Прощание вышло влажным. Аттерианка еще и пакет лоточков с гостинцами их инопланетными всучила Надьке, обещала еще привезти и рецептами поделиться.

— Спасибо! — Надька неожиданно для себя обняла Тувию, заплакала. Отстранилась из объятия вся в слизи аттерианской.

Звездолет поднялся, мигнул огоньками и скрылся в темноте. Гаврюша Саныча боднул слегка.

— Да ничего, вернутся еще, — погладил он животинку, и пошли они с Надькой в гараж капсулу проверять.

Там гудело, и на капсуле лампочка желтым мигала, а внутри мужчина уже на бочок повернулся. Рано пришли, не разморозилась до конца.

— Еще часов пять, к обеду будет готов, — сказал Саныч. Надька обхватила себя ручками.

— А ты раньше размораживал?

— Нет, — признался Саныч. — Но в инструкции на крышке так написано: лампочка должна зеленой стать. На ферму пойду, подледянки проверю.

— А если случится что? — заволновалась Надька.

— Капсула автоматическая, сама знает, как людей размораживать.

Пошел он широким шагом на ферму, вернулся к обеду, а Надька рядом с капсулой на табуретке ножки пождала и дремлет.

Не стал он ее будить. Достал радиошар, присмотрелся к линзе.

«Что это за корабль такой? Капсула отдельно, маяк отдельно? А самого корабля и след простыл».

Почесал он бороду, а тут и капсула запищала. Свет включила, замок отщелкнулся. Саныч Надьку за плечо встряхнул слегка, та заморгала, никак не поймет, что происходит.

А человек внутри проснулся и сел. Глаза спросонья мутные, мечутся, никак он не поймет куда попал.

— Я Саныч. — Он руку протянул. — Это Надька моя. Ты на Европе у нас.

Мужик моргнул раз-другой.

— Давно я тут?

— По галактическому летоисчислению, сейчас десятое декабря. Тебя два дня назад подобрал аттерианский звездолет и нам привез.

Мужик дернулся.

— Это я, получается, почти месяц в заморозке был.

Он хотел подняться, да Саныч не позволил.

— Ты давай, без резких движений. Мышцы еще не отошли. Все-таки не гибернационный сон, а целая заморозка!

— А аттерианцы? — завертел головой мужик.

— Не переживай, улетели уже. Мамочка с детьми тебя подхватили, потом спасибо им скажешь. Как звать тебя?

— Юра я.

— Ну вот и познакомились, Юра. Пить, наверное, хочешь?

Надька метнулась к колонке и вернулась с кружкой воды.

— Только аккуратнее, ледяная она, — предупредила она.

— Тут везде лед...

Тот пил жадно, вода по подбородку стекала. Закашлялся, отдышался.

— Спасибо, — голос твердость набирал.

Вытащили они его из капсулы, на ящик посадили и в одеяло укутали. Надька термопот позолоченный приволокла, Саныч валенки достал с антресоли гаражной, скафандр запасной.

Юра кружку горячую обхватил обеими ладонями, чтобы согреться.

— Юр, а ты откуда и куда летел?

— С Кеплера на Проксиму домой возвращался.

— Маршрутным?

— Нет, в грузовой напросился. Мне срочно надо было,

хотел на день рождения к маме успеть. Парни знакомые согласились взять с собой.

— А что с кораблем случилось?

Юра поставил кружку, посмотрел испуганно так.

— На полдороги на нас напали. Там же ничего нет! Тишь да гладь до самой Проксимы, дорога ровная, ни тебе метеоритов, ни комет, ни межзвездных объектов, летать одно удовольствие. А откуда ни возмись, бац, и *они* появились. — Он вдруг широко распахнул глаза. Юра голос понизил: — Звездолет затрясся, сирена завывала, свет замигал. Я выскочил в коридор, ребята грузчики к шлюзам бегут. Капитан прогромкой вещает: «Всем в капсулы, живо!» Я до своей капсулы добежал, залез, а за стеной грохот уже.

Замолчала Юра, глаза стеклянными стали. Надька ему еще чаек подлила. Юра огляделся с опаской, не слышит ли его кто.

— Они обшивку порезали. Когда капсула закрылась, и катапульта сработала, меня выбросило. Последнее, что видел, вылетая — это грузовик наш, а к нему три клещи пристыкованы. Держат так крепко, не отцепить.

— Три? — Саныч брови насупил.

— Три, — кивнул Юра. — Потом капсула взяла курс до ближайшей планеты и гибернационная заморозка включилась, все-таки путь неблизкий.

Саныч взял со стола лист, карандаш и начеркал символ — две кости перекрещенные. Показал Юре:

— Таких отметин на борту корабля не видел?

Мужик задрожал, закивал.

— Пираты, — заключил Саныч.

В гараже настала тишина, только ветер европейский за иллюминатором завывал, да тихоходок подгонял.

Надька невольно задумалась, не обростут ли они здесь шерстью от таких холодов.

— Сань, а ты откуда этот символ пиратский знаешь? — спросила она с опаской.

— Бармен один рассказывал, — хмуро произнес он и начал водить языком по зубам туда-сюда и губу жевать — ду-мал.

— Они знали, что делают. Быстро все провернули, мину-ты три от первого удара, и они уже на палубе, — разошелся Юра, в глазах страх воспоминаний поселился.

Надька прикусила губу: грузовые редко ходили по расписанию, как наберется товар, так и летят.

— Юр, а что было на том корабле? — спросила она.

— Астровые дублоны там были, — вместо него ответил Саныч.

Он поднялся, заложил руки за спину и ходить начал из угла в угол. Кто-то сказала им про ценный груз. Не удивительно, что маяк отцепили — чтобы никто звездолет инкассаторский не обнаружил. Они его всегда первым срывают, чтобы сигнал бедствия не ушел. Он слышал про такое в баре одном: отправляют гонщиков на моцике космическом, те его сразу выбрасывают в туманность какую подальше. А Леха с

Филькой подобрали по незнанию.

— М-да... это тебе не европчики ледяные бюрократические, это дублионы настоящие, астровые.

Надька выпрямилась, к Санычу подкралась, боясь прервать его размышления:

— Надо заявить куда-то.

— Надо, — кивнул Саныч и потянулся видеоокну. — Юр, ты сам-то, кто по профессии? Кем на Кеплере работал?

— Да строителем был, сооружали, осваивали. Дачка у меня там есть, мастерю понемногу всякого. — Он оглядел гараж Саныча.

Руки нужные, голова нужная.

— Ну, значит, сработаемся. Ты иди в контейнер, Надька тебя покормит и отдохнешь. Шевелиться уже можешь?

А сам остался в гараже, с полицией галактической связываться надо.

Вышел Юра на крыльцо... да встал как вкопанный.

— Эт-то что? — уставился на тихходку, что возле мусорного бака топталась.

— Гаврюша это, тихходка. Ты не бойся его, он не кусается. Вон ботву подъедает.

— Он-ни же микроскопические!

— Это на Земле они такие, а у нас европейские, местный сорт, — пояснила Надька и улыбнулась. — А это картошка местная, бегаёт.

Юра закрыл глаза, досчитал до пяти и снова открыл. Никуда не делась ни тихходка, ни картошка. Та только поближе подошла, присела у его ног и ботвой потянулась, принюхиваясь.

— Я точно больше не сплю?

— Привыкнешь!

— Не хотелось бы...

Кормила его Надька с ложечки, сушки в чае сладком размачивала, да чай все подливала. Желудок у космонавта капризничал после заморозки. Но с каждым глотком крепчал он, плечи расправлялись и руки уже почти не дрожали.

— А вы давно тут? Что делаете?

— По программе прилетели. «Дальнеевропейский гектар», слышал? Вон ферму держим, картошку растим. Я по хозяйству больше, Саныч по торговым связям с кеплеровцами, аттерианцами...

Юра вздрогнул на этом слове, напрягся.

— Да не волнуйся ты, они же спасли тебя.

— Я знаю, что они нормальные. Головой понимаю, просто, когда проснулся и услышал «аттерианцы», первая мысль, что это они напали на корабль.

— Отдыхай, утро гибернации мудрее.

Постелили ему на лавке в кухне. Картошка подвинулась, уступила ему угол свой. Юра лег, ноги подогнул, укрылся одеялом.

Саныч с Надькой на крыльцо юркнули.

— Ну что, связался с полицией?

— Связался, — отмахнулся он.

— И что сказали?

— Надь, ну что они могут сказать? — Саныч посмотрел на нее, как на глупенькую. — Ваш звонок очень важен для нас. Отправил им координаты, где подобрали. Надь, у них таратайки их разваливаются. Маяк подобрали у туманности Орла, капсулу у Прокимы. Ну как они долетят оттуда туда?

— Пусть поспрашивают, в местную полицию запрос отправят, — не унималась Надька.

— Эх, — отмахнулся Саныч. Тут по-другому надо, но как Надьке-то объяснить это.

— Сань, а если пираты сюда на Европу заявятся? Здесь же у нас целая ферма с биотопливом!

Саныч обнял Надьку, прижал к себе носом в грудь.

— Не заявятся, мы маленькие и незаметные. Кому нужен один дальнеевропейский гектар? Да и как они вообще о нас

должны узнать?

Надька хотела сказать, что вот первым европейцам нужен был этот гектар, и подледянки нужны, а они еще мельче. Но промолчала.

Тихо было на Европе, только тихходки по гектару слонялись и стрекотали.

Юра двое суток проспал, только попить просыпался, да в туалет сходить. Надька проверяла его, дышит ли он, нехолодный ли. На третий день окончательно проснулся. Бледный весь. Надька ему скорее супчика налила.

— Юр, ты говоришь строителем был? А с клубком путеводным капсульным разберешься? — спросил Саныч, с мороза европейского зайдя и холода напустив в контейнер.

Надька хотела была сказать, что и она может. Но решила оставить дело мужчинам.

— Справлюсь. А что надо?

— Хочу посмотреть, зафиксировались ли координаты катапультирования. Если бортовой компьютер цел, то в новых версиях такая опция должна быть...

— А потом что? — вскинулась Надька.

— А потом посмотрю, что там рядом есть. И Леху с Филькой предупрежу, чтоб не летали там. — К Юре повернулся: — Давай доедай, да в гараж подгребай.

Вышел Саныч за дверь, Надька поежилась от мороза. Дома-то в тоненьком скафандре ходила, да сапогах на босу ногу.

— Юр, на Проксиме кроме мамы есть кто?

Загрустил Юра, тоска черная охватила его, за душу взяла. Посмотрел в темную даль через иллюминатор.

— Она уж, наверное, думает, что погиб я.

— Так надо сообщить ей! Что ж ты молчал?! — рассердилась Надька. Под ее строгим взглядом Юра все быстренько доел и побежал за Санычем в гараж.

«Другое дело», — подумала Надька. Надо бы и своей позвонить.

Тем временем в гараже Саныч сунул Юре видеоокно, а сам над капсулой с отверткой и плоскогубцами склонился.

Выбраться с Европы Юре пока никак было, не на чем. Звездолета-то у Саныча нет. А тут теперь только или маршрутного ждать, или пока вдруг аттерианка с детворой решит в гости заглянуть.

— А маршрутный когда?

— На стене вон памятку гектарскую видишь? Посмотри, там расписание должно быть.

Долистал Юра до него и вздохнул так протяжно. Саныч из-за капсулы выглянул, вскинул голову вопросительно, мол

чего там.

— Через полгода.

— Ну ты не печалься, — подбодрил Саныч гостя.

Подключил свой компьютер к капсуле в разъем и улыбнулся: координаты катапультирования есть. И Санычу место знакомым оказалось. Бывал он однажды в тех краях, там-то про космических пиратов и услышал впервые.

— Поживешь пока у нас. Найдем чем тебя занять. Картошку выращивал когда-нибудь?

— Нет. Я больше по манго специалист. Оно знаешь, как на Кеплере у меня прет!

— Это хорошо. Но тут у нас не Кеплер и не манго. Будешь картошку учиться растить. Саныч ему на здание отдельно стоящее во дворе указал, с сердечком-окошком на двери: — Там удобрения. Без удобрения не вырастет. Жили у нас здесь рядом европейцы на соседнем гектаре, только успевали удобрения поставлять... — Саныч в разговоры пустился.

А Надька смотрела на них в приоткрытую гаражную дверь, да радовалась: два мужика на гектаре — это уже серьезное хозяйство. Только вот... приедет кто, как объяснить, что мужик незнакомый в доме ночует. Надо ему отдельный контейнер... Надька воззрилась на соседний гектар за разломом. Ладно, придумается авось что-нибудь.

Отставила она лопату, Гаврюшу свистнула. Упряжку ему накинула. Посмотрела на животинку, и так и этак — здоровенная детина выросла.

«Оседлать его, что ли?» — детишки-то аттеранские ей ценную идею подкинули, так весело они катались с него.

Взобралась на него Надька, как наездница, расправила плечи. Не был бы Гаврюша толстым, за дракона бы сошел. А так... ну корова настоящая.

Подстегнула она его упряжкой, замычал Гаврюша и поплелся вперед.

Саньч выбежал на шум, затылок почесал, да как захохочет. Юра тоже выбежал.

— Ты смотри! — смеялся Саньч. — Надька тихходку оседлала! Огонь баба! И главное, знаешь что? Моя!

— А еще такие есть? — тихонько спросил Юра.

— Таких только на Земле производят.

Уставился Юра на точку голубую в небе, да смотрел так задумчиво.

— Саньч? На том грузовике мужики говорили, астровых дублонов всего три мешка было. Они поэтому и взяли меня.

— Хм, а что же тогда его грабили? — озадачился Саньч.

Вечером Саныч в гараже штаб развернул, все свои карты раскрыл, на столе проекции галактики развернул. Надька как раз тихоходок в озере подледном искупала, да в контейнер отдельный спать уложила. Слышит, возится в гараже ненаглядный. Юркнула она к нему туда, томным взглядом посмотрела. В доме-то теперь на лавке в кухне Юра спал, не пошалить. А тут гараж... Первый раз, что ли?

Скинула Надька скафандр с плеч, прильнула к Санычу всем телом, отвлекла своими поцелуями от занятия своего. А он и рад только. До утра любил ее, так и остались они в гараже спать. А под утро слышит Надька треск какой-то. Саныч спит как убитый, ни черта не слышит, особенно после ночей их страстных.

Поднялась она — видеокно звонит. Она уж было думала из полиции звонят, толкнула Саныча, но только во сне бормотнул что-то, да на другой бок перевернулся.

Нажала она зеленую кнопку, а оттуда голос женский, знакомый и немного истеричный.

— Надежда! Надежда, ты меня слышишь?! Это мама! Я тебе третий час уже дозвонится не могу! Что за связь у вас там такая плохая, одни помехи! — в голосе женщины слышались командные и истерические нотки.

— Да нормальная связь... — едва успела проблеять Надь-

ка сквозь мамину тираду. Но та ее, кажется, совсем не слышала.

— Надежда! Слышишь? Комнату мне готовь, я к вам в гости лечу. Завтра буду!

— Как завтра? — опешила Надька. Побледнела, потом покраснела, потом снова побледнела.

— С утра буду! Встречай! И скажи своему Саньчу, чтоб бороду сбрил. Негоже зятю с тещей в бороде знакомиться. Он должен быть ухоженный, причесанный...

Надька только в иллюминатор взглянула — криовулкана уже целые еврутки не было и неизвестно когда пойдет.

Надька потрясла видеоокном, да отложила. Что толку, если связь отключилась.

Саньч за спиной заворочался, глаза разлепил, на Надьку уставился:

— Ты чего тут? Спать же должна.

— Сань... понимаешь, тут такое дело... — непросто ей было признаваться. Глазки опустила так скромно, скафандр на плечо подтянула. — К нам гости летят.

— Снова?! Так это ж здорово! Пир устроим! Межвидовый, — обрадовался Саньч.

— Почему междвидовый? — удивилась Надька и насупилась тотчас, подумав сперва, что Саньч заранее ее маму в змеи записал.

— Так это, аттерианцы летят?

Надька головой замотала.

— В общем, мама моя завтра утром прибудет.

Саныч замолчал, затылок задумчиво почесал.

— Мама говоришь?

Он лицом в иллюминатор повернулся, в темное юпитерское небо посмотрел, где вчера аттерианский корабль скрылся. Другой бы, может, и пожалел, что не напросился попутчиком куда-нибудь на Проксиму. А Саныч че, не мужик, что ли? Мужик. Мужик сказал — мужик сделал.

— Ну, значит, знакомится будем! А то как-то не по-человечески, женились, а свадьбы не было, с родителями не знаком.

Обнял он Надьку, к щеке ее губами своими горячими прижался.

— Только Сань. У меня мама строгих взглядов. Надо что-то с Юрой делать. Не поймет она, как это на одном гектаре мы с тобой, еще и Юра. Увидит его, подумает невесть что. А Гаврюшу увидит, вообще в обморок грохнется. — Надька выпуталась из объятий Санычевских, заметалась по гаражу. Губу кусает, рассуждает: — А если его заморозить?

— Кого, Гаврюшу?

— Да Юру.

— Знаешь, что, давай мы их спрячем? Здесь прям в гараже и спрячем. На всякий случай замок повесим, — пробормотал Саны, да за инструментами пошел.

Часть 4 «Теща с третьей планеты»

33

Надька металась по контейнеру как ошпаренная. Косынку повязала, сняла, снова повязала. Фартук схватила — бросила. Скафандр глаженный с вешалки сняла, надела аккуратно, чтоб ни одной складочки не было. Покрутилась перед зеркалом, косички поправила.

— Сань, вставай давай! Вставай, кому говорю! — она потрясла его за плечо.

Саньч глаза разлепил, зевнул, потянулся.

— Чего шумишь? — Бороду почесал.

Надька ахнула!

— Ты почему еще бороду не побрил? Мама приедет через два часа.

— Надь, ну как я... Воды горячей не было. Холодной, что ли, буду?

— А ничего, вот и будешь.

— Может, не надо? Я ее три года растил, — он рефлексивно схватился за бороду.

— Надо, Саня, надо. Я маму двадцать пять лет знаю. Поверь, так будет лучше. Потом она улетит, и расти себе на здоровье снова.

Вздохнул Саныч так, как будто с жизнью прощался.

— Ладно.

— И еще надо...

— Надь, спокойно, — перебил он ее своим тягучим хриплым басом.

— Спокойно?! Ты мою маму не знаешь! Увидит, что я в гараже сплю, решит, что дочь в сарае живет!

— Мы не в сарае живем, мы здесь только регулярно...

— Саныч! — Надька топнула рассерженно. — Не время.

Понял Саныч — не отвертеться.

Она в дом побежала, Саныча за руку за собой потянула. Юру с лавки пнула, ведро воды водрузила на нее и руки в бока уперла. На Саныча смотрит, глаз не сводит. А Юра только глаза спросонья с нее на него и обратно переводит.

— Сань, или ты, или я! — она схватилась за бритвенное лезвие, каким еще в старину пользовались.

— Ладно.

Не успел Саныч бороду сбрить, бумажки на царапинки наклеить, как Надька снова суету наводит:

— Ты посмотри! — она оглядела контейнер домовой. — Посуда немытая, полотенце на полу, лужа, инструменты не на местах.

Из угла донесся храп. Надька в Юру глазами как выстрелит (пока суть да дело, он в уголке прикорнул):

— Саныч, у нас тут Юра храпит! Гаврюша там мычит! — она в иллюминатор указала. — Бардак один везде!

Саныч поднялся, размял кулаки свои богатырские.

— Сейчас разберемся. Я все-таки в армии служил, собираться быстро умею.

Она Юру за плечо потрясла, тот встрепенулся, слюну подобрал обратно.

— Юр! Юра, подъем!

— А, что? Пираты? — подскочил он.

— Хуже, теща едет, — ответил Саныч.

Надька в него глазками зыркнула, прищурилась угрожающие. Юра моргнул, не понял. Себя ощупал.

— Чь-я теща? — Не помнил он, когда у него вдруг теща успела появиться. Ощупал себя ненароком.

— Юра, мама моя едет. Нельзя, чтобы видела тебя.

— В армии служил? — громыхнул Саныч.

— Было дело, — кивнул Юра. И глаза так забегали вокруг, будто уже тревога военная была, а он уже по стойке смирно стоял.

— Значит так: порядок наводим, Юру прячем, Гаврюшу прячем, — командовала Надька. Юра только заикнулся вопросом, а она уже с ответом предостерегающим: — Она может устроить допрос похлеще полиции галактической. А потом также без разбора решит, что у нас здесь притон. Или еще чего похуже придумает.

— Ладно, — вздохнул Юра, а сам уже на гладкого выбритого Саныча косится — не поспоришь тут. Раз теща едет, надо готовиться.

А датчики СО₂ на улице уже напряглись, не зеленым горели, в желтый переходили. Саныч увидел, говорит:

— Еще же два часа. На чем там твоя мама летает, что коптит загодя?

— На ЗАЗе.

(«Звездолет Адаптивный, Зональный»).

— М, иномарку купила праворульную? — хмыкнул Саныч, застегивая скафандр.

— Это ветер солнечный надувает быстрее нее, я прогноз погоды сегодня слушала, по радио передавали.

— Пойдем, Юрец, у нас все должно быть чики-пуки. А то покажет нам теща кузькину мать.

Вышли они за дверь, а Надька им тоненько так вдогонку:

— А может, и где раки зимуют.

— Сань, чего-то мне ни того ни другого проверять неохота, — признался Юра, положив руку на сердце.

— Тогда за работу.

И пошла работа. Светоловки в кадках в ровные ряды выстроились, картошку всю бегающую переловили, лопаты и грабли по размерам составили, скафандры на вешалки в шкаф повесили, а в помещение, где удобрение собирается, газету свежую положили и журнал глянцевого на всякий случай (не знал Саныч, что теща любит почитать за сбором).

А Надька тем временем дома по хозяйству все суежилась, пылюку гоняла, да удивлялась, откуда она здесь на Европе, да на солнечный ветер поругалась, что надувает ее сюда.

Когда все было сделано, собрались они на крыльце у лавки.

— Куда прятаться? — спросил Юра.

— В гараж. Там капсула твоя, инструменты есть. Займешься чем-нибудь полезным, может, пиратов найдешь. Только тихо сиди, — велела Надька.

Побрел он к гаражу, обернулся:

— А долго прятаться?

— Пока не скажу, — отрезала Надька, уже ища взглядом по гектару Гаврюшу.

Скрылся Юра за дверь.

Теперь Гаврюша. Тихоходки, когда просыпались, завтракали, а после по гектару разбредались кто куда. Мелкие еще ничего, их за собак можно было выдать породы европейской (мама ведь не была никогда не Европе). А вот Гаврюша...

Он стоял у контейнера домового и чесался боком об угол. Тот уж здоровый вымахал. Не собака, и не корова. Что-то среднее между бегемотом и гиппопотамом (да-да, из-за материкового расхождения на Земле это были уже совершенно разные виды).

— Гаврюша! — позвала Надька и медленно к нему направилась. — Гаврюш, иди ко мне! — махнула подзывающе.

Тот морду круглую повернул, обрадовался, затрусил к ней. Лед задрожал, затрещал на гектаре.

— Да тихо ты, тихо. Слушай, тебе в гараж надо. Посидишь

там с Юрой.

Гаврюша склонил голову, не понимал он. А Надька тем временем небо темное европейское обозревала, не приближается ли ЗАЗ матушкин. Его обычно издалека было слышно.

Потянула она его за упряжку. Гаврюша упирался, не хотел идти. В прошлый раз, когда его куда-то вели, пришлось мост переходить. А он высоты боялся. Вдруг опять туда.

— Да нет там моста! — уговаривала Надька. — Гараж. В гараж идем. Там Юра тебя покормит.

Гаврюша не двигался, уставился на Надьку глазами влажными и печальными, и застрекотал жалобно.

Тут Саныч без бороды показался. Надька-то на мгновение сама его не признала, не привыкла еще таким мужа видеть. Помолодел лет на двадцать.

Картошка из-за угла выкатилась, увидела Саныча без бороды и обратно шарахнулась. Тихоходки, что помельче были, попятились.

— Ну вот, даже скотина родная не признает, — расстроился Саныч.

— Ничего, привыкнут. — Надька по щеке погладила Саныча. Так непривычно было. — Сань? — проворковала она.

— Чего?

— Ты другой какой-то.

— Да такой же, — буркнул он, недовольно потирая голый подбородок. Непривычно ему было, дуло.

Надька на часы глянула. Все прибрано, стол накрыт. Еще целых двадцать минут у них было.

Саныч тут же понял Надькин взгляд. Взял Гаврюшу за упряжку и одним рывком к гаражу потащил. Тот упирался, но против Саныча не попрешь. Сила богатырская в теле — не сбивается с бородой.

Запихнул туда Гаврюшу, Юра аж к стене отскочил.

— Он же меня раздавит!

— Не раздавит. Он добрый. Вон в углу ботва стоит, корми его. И сидите тихо оба. — Он уже развернулся, но в щелку сказал: — Если что нужно, по видеоокну звоните.

Надька Саныча в контейнер потянула, в спальенке закрылась с ним. И целых девятнадцать минут не выходили они.

Вышли на улицу, гул над Европой стоит — теща в ЗАСе летит. А из гаража тихое мычание и Юрин шепот доносятся:

— Да не лижись ты! Гаврюша! Стой! Гаврюша! Не садись на капсулу!..

Гул нарастал, тещин ЗАЗ из темноты вынырнул — маленький, рубинового цвета и эмалированный. И весь в наклейках «Антарктида — рай для души», «Крипта — это свобода»... Двигатель чихал, кашлял, выхлоп синеватый за звездолетом тянулся. Датчики на оранжевый уже перешли.

— Коптит-то как, — покачал головой Саных.

— Она его с рук брала, поддержанный.

Надька стоит рядом, косичку нервно перебирает.

— Угу, я вижу, — буркнул Саных. А у самого уже руки чешутся карбюратор перебрать. — Зато успела туда парктроник вставить. — Он наблюдал, как звездолет на посадку заходил.

Приземлился ЗАЗ на место для стоянки судов, на один бочок так слегка просел (опора левая короче была). И тишина наступила. Но ненадолго, изнутри голос такой командный донесся:

— Да открывайся ты уже, железяка! Опять заело!

Шлюз, наконец, поддался женской силе и распахнулся, являя на свет европейский Милану Марсовну. Так как звездолет был праворульный, не увидела перед собой ничего женщина, только пустошь ледяную гектарскую. Ступила на лед европейский и звездолет обошла.

Женщина оказалась статная, широкоплечая. Не удиви-

тельно, что выбрала надежный ЗАЗ вместо новомодного ширпотреба. По виду Миланы Марсовны сразу можно было сказать — женщина она основательная во всех местах и смыслах этого слова. Из тех, что сами перетаскивают серверные стойки и не ноют.

Скафандр на ней сидел, как влитой — дорогой, с меховой оторочкой на капюшоне. Волосы торчком модного оттенка (седого, сейчас тренд на все натуральное, естественное и старое был, а Милана Марсовна не упускала модных веяний).

Саньч теперь понимал, почему и ЗАЗ она выбрала — тяга к раритету. Он ухмыльнулся, привычно потянулся к бороде, но ее на месте не оказалось.

Милана Марсовна заметила этот жест и довольно хмыкнула.

Глаза у нее были как у Надьки, только острее, и взгляд такой, как будто рентгеном просвечивает. Саньч на ненаглядную мельком покосился, прикинул Надьку в старости.

— Надь, — шепнул уголком губ Саньч. — А твоей маме сколько лет?

— Сто сорок пять всего, — также тихо ответила Надька. Мама у Надьки за собой следила, процедуры омолаживающие проходила регулярно.

Милана Марсовна руки в бока уперла.

— Ну и дыра, — заключила она.

— Мам! — Надька кинулась к ней обнимать. Та ее обхватила, к груди пышной прижала, по спине похлопала.

— Худенькая какая стала! Не кормит он тебя здесь, что ли? — И поверх Надькой головы на Саныча уставилась. И снова этот взгляд сканирующий.

Тот шаг вперед сделал и руку вежливо протянул:

— Ковригин. Александр. Можно Саныч. — Склонился так перед ней в легком поклоне на пару секунд. Да выпрямился. Не сгибалась его грудь богатырская.

Рукопожатие вышло крепким. Саныч аж бровь приподнял, какая у тещи хватка — будь здоров.

— Милана Марсовна. Можно просто Милана Марсовна. — Теща Саныча с ног до головы оглядела. — Побрился, значит. Хорошо. А то на фотографиях как абориген местный выглядел.

Надька со смеху прыснула, все-таки вот что значит родная кровь — она и сама так сперва подумала.

— Старался, — выдавил Саныч.

— Старался он, — пробасила Милана Марсовна. — Ладно, показывай хозяйство, зять. Посмотрим, куда ты мою дочь заманил.

Повели ей гектар показывать.

Милана Марсовна по льду шла и все оглядывала. Придирчиво так, будто генерал на смотре.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.